

D5

500

т. 1

H26

Иванов В. Ч.
„Некоторые факты
из истории“

1922.

426

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Копия прод. _____

Всегда, кн. «Сов. Демократия» Вып. 100

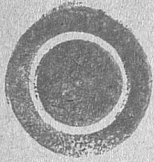

В. И. ИГНАТЬЕВ.

ДБ
500
И 26

X
944-РФ
И-26.

**Некоторые факты и итоги четырех лет
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1917—1921 г.).**

ЧАСТЬ I.

(ОКТАБРЬ—1917 г.—АВГУСТ 1919 г.).

**ПЕТРОГРАД,
ВОЛОГДА,
АРХАНГЕЛЬСК.**

(Личные воспоминания).

ПРОВ. 1935

Государственное Издательство.
1922 г.

43м

ИЗДАТЕЛЬСТВО

НОВОРОССИЙСКО-КАВКАЗСКИЕ ВОЙНЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

578044

Издательство «Историческая библиотека»
1955

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Имеет ли смысл заняться своими воспоминаниями, связанными с исторической эпохой нашей революции, в настоящий момент, когда, может быть, страсти еще недостаточно улеглись для беспристрастной, объективной оценки, и при том воспоминаниями, хотя и имеющими некоторое историческое значение, но говорящими только о сравнительно узком круге фактов, очевидцем и участником коих был автор. Несмотря на сравнительную узость подлежащих обследованию событий — всё же, думаю, опубликовать подобного рода воспоминания сейчас желательно и полезно. Прежде всего, мы находимся в процессе разрешения огромной важности практических, политических и экономических заданий, для правильного разрешения которых требуется правильная оценка действовавших сил революции; кроме того, зарубежная белая печать преподносит нам такого рода «воспоминания» и «архивы» Русской Революции, что необходимо противопоставить их тенденциозным измышлениям объективное изложение фактов. Этих двух целей: послужить для правильной оценки прошлого на предмет выработки новых, правильных путей для будущего и внести коррективы к заграничному информационному материалу о прошлых днях, по моему мнению, вполне достаточно для оправдания предлагаемых вниманию читателя очерков. Чтобы узнать, с кем и куда идти, нужно, прежде всего, знать, кто и куда вел и куда привел. Предлагаемые воспоминания, конечно, крайне беглы и впоследствии должны быть более детально разработаны. В изложении я позволял себе называть только те имена, участие которых в борьбе не составляют секрета ни для власти, ни для общества в силу их открытого участия в этой борьбе.

I

Известие о происходящем Октябрьском перевороте застало меня в Смольном, куда я явился представителем Адмиралтейского районного совета в межрайонное совещание при Петроградском Совете. Необычайное движение, суетливость, исчезновение всех моих единомышленников, известие о том, что Смольный Временным Правительством изолируется для ведения против него военных операций, заставили меня покинуть его и отправиться в центр всей оппозиции большевикам — в Городскую Центральную Думу. Здесь я застал тревожное заседание; в проходах представители районных дум, общественные деятели, на хорах полно публики. Получаются все более волнующие сведения: Временное Правительство осаждено в Зимнем Дворце, защищают его только юнкера и женский батальон; Верховный Главнокомандующий и Председатель Правительства А. Ф. Керенский исчез. Нет никакой связи между отдельными оппозиционными группами, нет плана сопротивления. Вечером положение кажется безнадежным; за день ни Дума, ни руководящая партия С.-Р.-ов с'организовать защиты не сумели, потратив время на речи, сетования, возмущения. На кафедру вбегает с.-р. Быховский и сообщает, что ему только что удалось переговорить по телефону с

Зимним Дворцом, он говорил с министром земледелия С. Масловым, и последний просил его передать, что положение во дворце тяжелое, что министры готовы погибнуть; последние слова перед смертью его, Маслова, будут проклятием той демократии, которая послала его в правительство, а теперь изменила.

Заявление это при нервной обстановке произвело потрясающее впечатление. Живая и энергичная В. С. Панина поднимается на трибуну и взволнованно призывает Думу, раз она не может заступиться за своих избранных — Временное Правительство, пойти и умереть вместе с ними в Зимнем Дворце. Ее поддерживает О. К. Нечаева; ряд ораторов призывает к тому же; тщетно Мануильский пытается убедить не делать этого шага, грозящего тяжелыми последствиями. Создается возвышенная, граничащая с героизмом атмосфера. Дума решает идти ко дворцу и умереть вместе с Правительством. Прокопович, единственный, оказавшийся на свободе член Правительства, снесся по телефону с Зимним Дворцом и условился с Некрасовым о порядке нашего шествия во дворец; чтобы оттуда по нас не стреляли, установили сигнал, — три раза махнуть зажженным фонарем. Анализируя теперь тот подъем, который тогда охватил всех, я невольно вспоминаю мысль Достоевского о том, что у русского народа скрывается жажда страдания; вот эта самая жажда пострадать болезненно охватила Думу и всех, кто в ней был. И нужно было немедленно идти и умереть. Но... тут сказался недостаток решительности, воли к революционным действиям, умения творить необходимое в нужную минуту, вместо подвига — многоликий Рудин с Обломовым вместе. Прежде чем идти умирать, решили предложить присоединиться к этому решению ряду других организаций — партийным Ц. К. и Исполкому Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов.

Пока звонили, пока их собирали в Думу, прошло часа полтора; настроение спало: под'ема, вдохновения уже не было. Тем не менее, решили все же идти ко Дворцу умирать. В темноте выстроились перед зданием Городской Думы, впереди гласные, затем цекисты, члены Исполкома; впереди Прокопович с фонарем. Двинулись: прошли шагов двести до Казанской площади, остановились. Красная застава дальше не пускает. Потолкались с час на месте, пробовали убедить пропустить, не вышло и... вместо того, чтобы идти на смерть ко дворцу, вернулись к жизни в Городскую Думу, и тут же, в Александровском зале, все собравшиеся в числе сот двух-трех, объявили перманентное заседание, а себя, как руководителей всей оппозиции, Комитетом Спасения Родины и Революции, для ведения дел которого вскоре избрали Исполнительный Комитет из представителей Городской Думы, Исполкома Совета Крестьянских Депутатов, Петроградского Совета Рабочих Депутатов (старого состава), Центральных Комитетов партий С.-Р.-ов, С.-Д. меньшевиков и Труд-н-сов.

Я подробно остановился на этом общеизвестном факте нашего хождения на смерть, которое вполне заслужило применения известной пословицы — «умереть не умерла, только время провела», потому, что считаю этот момент исключительным по своей характеристике для групп, которые должны были провести борьбу с большевиками. Это хождение на смерть олицетворяет собой все дальнейшие этапы бессильных порывов, отсутствия творчества, дела, воли в нужные минуты у руководителей борьбы и, прежде всего, у господствовавшей партии с.р., которые и в этом хождении были в подавляющем большинстве.

Вскоре заседания Комитета Спасения Родины и Революции были перенесены на Фонтанку, в помещение Совета Крестьянских Депутатов; к этому времени в состав его вошли еще представители различных коллек-

тивов служащих (министерств). Это были представители саботирующих министерств; к саботажу призывал и Комитет Спасения. Я в то время являлся горячим сторонником всех этих мероприятий против большевиков, веря в необходимость борьбы с ними, и вел работу не за страх, а за совесть. Поэтому, я активно проповедывал саботаж и был защитником, по просьбе комитета служащих государственных учреждений, первого саботажного дела в Петроградском Ревтрибунале, служащего министерства продовольствия. Обвинял его народный комиссар Шлихтер. Приговор был вынесен мягкий — полтора месяца ареста с зачетом предварительного заключения. Несоциалистов в Комитете было только трое, представители от Городской Думы, — С. В. Панина, Набоков, фамилию третьего не помню. Из социалистов участвовали лидеры всех группировок — Гоц, Александрьев, Чайковский, Вайнштейн, Абрамович, затем появились Дан и Мартов. Я входил в Комитет как представитель фракции т.-н.-сов Петроградского Совета Рабочих Депутатов. Президиум Комитета выделил военную организацию, в которую я первоначально не вошел, не знал о ее работе. Руководителями всего дела были с.-р., их же представителем был управделами Комитета — Флеккель. Перед Комитетом стояла задача — быстро организовать вооруженный отпор большевикам, и, прежде всего, с'организовать государственную власть. Казалось, было два исхода — или идти вместе с большевиками, или вести борьбу с ними. Никто из членов не высказывался за мир с ними, следовательно, нужно было строить власть и реальную силу. В это время В. Б. Станкевичу (бывшему в то время Верховным Комиссаром при Ставке) удалось на автомобиле проехать в Гатчино, повидаться с Керенским и привести от него собственноручное письмо на имя Комитета Спасения Родины и Революции. Письмо я это читал, дословно его не помню, но содержание его сводилось к тому, что А. Ф. Керенский, как единственное лицо, олицетворявшее в то время Временное Правительство, заявлял, что он уходит в отставку и передает всю власть Комитету Спасения Родины и Революции для строительства новой власти. В это же время стали подходить делегации от отдельных частей двенадцатой армии, предлагавшие свои услуги Комитету; получены были сведения о крепком настроении в Ставке, о надежной опоре там в лице батальонов смерти. Несколькими днями ушло на разговоры о том, какую власть нужно строить — однородную - ли социалистическую, в коалиции - ли с кадетами или в коалиции с большевиками. Большинство голосов было решено строить однородную социалистическую власть, но без большевиков. К этому времени относится появление Викжеля, который стал настаивать на конструкции власти из всех социалистических группировок, включая большевиков. Момент был чрезвычайной важности — нужно было разрешить гамлетовское — быть или не быть; по всей России раскатывалась волна переворота, в Ставке было уже беспокойно, фронтовики предлагали свои услуги, в Петроградском гарнизоне мы еще продолжали обпаривать влияние на солдат; все оппозиционные группы и массы ждали и требовали одного — полномочного правительственного центра, вокруг которого они, объединившись, смогли бы начинать активно действовать. В этот-то исторический момент Вайнштейн от имени меньшевиков заявил, что меньшевики в течение нескольких дней не будут посещать заседаний Комитета Спасения, так как они еще «не самоопределились».

Остальные группы решили строить власть (под давлением Викжеля) с большевиками, но без участия непосредственных виновников переворота (т.-е. Ленина, Троцкого, Луначарского и др.), но так как никто не верил в осуществимость этого проекта, то одновременно стали приниматься меры к образованию правительства в Ставке из социалистов, под председательством В. М. Чернова.

Таким образом, и здесь, в наиболее ответственный момент, с одной стороны шел набор сил, велись усиленные призывы к войскам и массам встать на борьбу с большевиками, посылались делегаты на митинги и собрания, а с другой стороны тратилось много время на бесплодные споры о конструкции власти, не было достаточной воли к действиям, начиналось умывание рук.

Мне пришлось выступать в качестве делегата Комитета Спасения в Кексгольмском полку, знавшем меня по читанным в нем лекциям; полк был все время не большевистским, но тут мне договорить до конца не дали, и только по знакомству дали возможность благополучно покинуть собрание. Затем мне пришлось выступать на общем собрании Петроградского гарнизона, где была встреча с большевиками. От большевиков выступал Володарский, а оппозиция имела своими представителями — П. Сорокина, Исаева, Дейча, Дана, Мартова и меня. Тут впервые на вопрос Мартова Володарскому, а что вы сделаете с Учредительным Собранием, последний бросил мысль о разгоне его: «Если, — сказал он, — в этом Учредительном Собрании будут иметь большинство вот эти обанкротившиеся социалистические партии, представители которых имели наглость притти сюда перед вами, то мы это Учредительное Собрание разгоним штывками».

Две трети гарнизонного собрания голосовало за резолюцию Володарского. Теперь, с исторической перспективы, существо дела заключалось не в том, что мы пришли выступать перед гарнизоном, как выступали в других массовых собраниях, и призывать к борьбе с захватившими власть большевиками — с нашей точки зрения это был логичный путь, поскольку мы не считали возможным с ними идти на соглашение. А существо дела заключалось в том, что одновременно с призывами к борьбе, меньшевики уже ушли из комитета для самоопределения, а с.р. «викжеляли» между правительством Чернова и правительством в коалиции с большевиками; создавалась та болезнь воли и действия, которая и в последующем неоднократно приводила к изоляции масс от руководителей: пока массы раскачивались, увлеченные голосами руководителей, наконец, раскачавшись, начинали выступать, в это время руководители уже пугались всяких жупелов и возможностей и не оказывали должной поддержки массам; масса выступала, платилась своими спинами и жизнями, а вожди в это время самоопределялись, не смея, да и не желая кинуть массам лозунг отбоя, потому что — а вдруг что-нибудь из движения да выйдет. Так было и здесь, и юнкерское восстание в Петрограде может служить лучшей иллюстрацией сказанного; его сорганизовала военная организация Комитета Спасения без ведома пленума последнего.

Военная организация, как и юнкера, поверили в твердость и неуклонность линий поведения Комитета. Девять десятых Комитета были в стороне от выступления, и в нужный момент это движение не поддержало. А тут еще казаки не сдержали обещания, не выступили. Тщетно Чайковский и Авксентьев лично ночью ездили к Дутову, умоляли сдержат слово и двинуть казачьи части на помощь юнкерам: казаки не пошли, юнкера погибли, а прибывшие с фронта делегаты и рабочие массы Петрограда, не были вовлечены в это дело, потому, что Комитет еще не самоопределился, «викжелял», но брошенных лозунгов борьбы обратно не брал, и часть массы пошла и погибла. Руководители договорились, наконец, до министерства Чернова и выехали для организации его в Ставку. В Ставке тоже не до чего не договорились, — большевики опередили. Там начался отход изолированных батальонов смерти, также поверивших в призыв к немедленной борьбе с большевиками. А Комитет Спасения Родины и Революции, воспринявший преемственно власть от Керенского, оказавшийся

бессильным создать новое правительство, не сумевший взять на себя руководство движением, стал рассасываться и замирать. На горизонте появилась новая форма борьбы с большевиками — выборы в Учредительное Собрание.

Подводя итоги первоначальной эпохе нашей борьбы с большевиками, под флагом Комитета Спасения Родины и Революции, я не хочу вовсе делать заключения о сознательном вовлечении руководящей партией Комитета, с.-рами, масс в борьбу против большевиков вопреки своим взглядам и убеждениям. Нет, они встали на точку зрения борьбы, они хотели ее, но в то же время боялись ее, боялись в этой борьбе порвать с меньшевиками, которые самоопределялись, боялись генералов, с которыми нужно было иметь дело, боялись пропустить коалицию с большевиками без непосредственных участников переворота и, наконец, надеялись победить большевиков мирным путем через Учредительное Собрание, выборы в которое были не за горами. И эта боязнь и эта надежда на Учредительное Собрание объективно парализовали волю эсеров, создавали двойственность игры, двойственность линии поведения — и воевать с большевиками и не воевать; надо воевать, а духа всеобъемлющего нет. А массы и наиболее искренние и прямолинейные из эсеров пошли в бой и поплатились жизнью. Кто в этом виноват? Субъективно виновников нет, объективно виновны те, кого с'ела двойная игра, отнявшая волю. Массы шли, погибали, а вожди самоопределялись.

II.

Началась кампания по выборам в Учредительное Собрание. Мы, противники Советской власти, шли на выборы с требованием всей власти Учредительному Собранию. Мир и проведение немедленного социализма, связанное с эксцессами, власть на местах, воздействие Антанты — все это заставляло нас требовать устранения от власти большевиков. На Учредительное Собрание возлагалось много надежды; мы создали из него фетиш, приписав ему свойства реальной силы, которой оно не обладало. Считали, что перед его волей расточатся все враги его. И в то же время, очень мало принимали мер для организации вооруженной защиты в случае посягательства на него. Я в это время как труд-н-с — стоял совершенно на определенной точке зрения — большевиков или нужно заставить признать Учредительное Собрание, или прогнать их от власти силой; но группировка партийная, к которой я принадлежал, не могла играть большой роли в силу своей немногочисленности. Хозяевами оппозиции были эсеры, которые рассчитывали на выборах победить. Очевидно, что они и должны были позаботиться о закреплении позиции Учредительного Собрания, обеспечить его вооруженной защитой... Что они делали в этой области — не знаю, так как на время предвыборной кампании отошел от центральной политической работы и в работах комитета защиты Учредительного Собрания участия не принимал. Но момент разгона Учредительного Собрания показывает, что реальных сил в его защиту накоплено не было. Почему, — трудно сказать, но, во всяком случае, не потому, чтобы эсеры не хотели защищать его — нет, они этого желали, но, повидимому, надеялись больше на моральную силу Учредительного Собрания. Иными словами, опять получилась та же картина — были призывы к вооруженной защите, но брошенный лозунг в жизнь не претворили, имея ввиду возможность мирного разрешения вопроса. Опять и воевать и не воевать.

Учредительное Собрание было разогнано. Что оставалось делать — или признать совершившийся факт, и тем признать Советскую власть, или протестовать против насилия и добиваться силой признания за Учредительным Собранием его Верховных прав. Я, не помню, чтобы кто-нибудь из эсеров, социал-демократов меньшевиков или т.-н.-сов тогда стоял за при-

знание Советской власти. Наоборот, срыв Учредительного Собрания с нашей тогдашней точки зрения был равносителен объявлению гражданской войны со всеми ее ужасами и последствиями; в Учредительном Собрании мы видели единственную опору против этой войны и во имя этой идеи готовы были с оружием в руках итти на восстановление его нарушенных прав. Однако, Учредительное Собрание не пошло на это; Призвав к войне, оно оставило массы одни с этим лозунгом — вожди же стали умывать руки. От имени Учредительного Собрания в это время выступало, так называемое, межфракционное совещание Учредительного Собрания, в состав которого входил президиум Учредительного Собрания, представители фракций и представители Ц. К. тех партий, фракции которых имелись в Учредительном Собрании. Я в качестве представителя Ц. К. т-н-сов присутствовал в межфракционном совещании один только раз. Поставлен был вопрос о борьбе за Учредительное Собрание; в соседней комнате дожидались докладчик и делегаты от воинских частей, согласных взять на себя защиту Учредительного Собрания. Член Учредительного Собрания меньшевик Трояновский заявил, что межфракционному совещанию Учредительного Собрания неместно даже принимать и выслушивать доклад о вооруженном выступлении одной части населения против другой, так как Учредительное Собрание является представителем всего населения. И. Г. Церетелли возражал против того, чтобы Учредительное Собрание взяло на себя руководство борьбой с большевиками, пусть лучше Учредительное Собрание тихо погибнет, но это будет гибель достойная, без внесения в страну гражданской войны. Таковы были речи и настроения в межфракционном совещании. Для меня казалось тогда совершенно непонятным, каким образом люди, призывавшие к активной поддержке Учредительного Собрания, кинувшие массам лозунги борьбы за него, при первых же возможностях осуществить эту борьбу, оказывались неспособными претворить ее в действие, пугались этой борьбы, не беря, однако, обратно своих лозунгов, не рекомендуя массам итти за Советскою властью. И опять, — с'агитированные массы шли, а вожди сами не знали, чего они хотят.

Ни деятельность Комитета Спасения Родины и Революции, ни работа межфракционного совещания Учредительного Собрания меня не удовлетворяли. Раз я воспринял определенные лозунги, взял в руки определенное знамя, во имя которого я призывал массы, то я должен был со всею страстностью отдаться служению исповедуемой идеи. Я решил самостоятельно заняться проповедью среди масс о необходимости свержения Советской власти, доказывая им тяжелые последствия Брестского мира, неудачи с национализацией народного хозяйства, неизбежно развивающуюся, в связи с разгоном Учредительного Собрания, стихийную, гражданскую войну. За этот период времени мною был организован ряд больших митингов в Петрограде в рабочих районах, на Пороховых, в мастерских Николаевской ж. д., в Экспедиции Заготовления Государственных бумаг, проходивших с успехом; издавал газетки «Товарищ» и «Быль», агитационного значения, а от имени Петроградского комитета труд.-нар.-социал. партии, председателем которого я в это время состоял, был выпущен еженедельник «Новая Россия». Эта моя открытая деятельность против Советской власти, очевидно, и послужила вскоре поводом для обращения ко мне группы офицеров с просьбой дать им политический и военный штаб. В Петрограде в это время, на смену организациям с боевым заданием, образовалось общество, преследующее культурные и политические задачи путем проповеди словом, — «Общество Культуры и Свободы», президентом которого был М. Горький, а главным вдохновителем Л. М. Брамсон.

На юге же стали группироваться силы вокруг генералов Алексеева и Корнилова при участии к-дет и, так называемой, группы общественных деятелей, в дальнейшем реформировавшихся в правый центр.

III.

В марте - апреле месяцах условия для борьбы с Советской властью стали несколько иными. Во - первых, большевики распространили свою власть почти на всю Россию (за исключением Украины), во - вторых, не было уже готвых воинских частей, которые предлагали бы свои услуги и которыми можно было бы воспользоваться — нерешительность и отсутствие политического центра у оппозиции подорвали к ней доверие, да и части уже были большевитские; в - третьих, стал ощущаться недостаток в денежных средствах не только для подготовки крупных выступлений, но и для текущей партийной работы. Каждому стороннику борьбы с Советской властью приходилось задавать вопрос себе — где взять силы и средства. Если в смысле накопления сил дело могло обстоять благополучно, так как мы надеялись, что угар большевизма у солдат пройдет, то в смысле денежных средств обстояло туго.

Представители бывшего финансового мира неохотно шли нам на поддержку, не только социалистам, но даже и нейтральным организациям. Так, например, в затруднительном финансовом положении оказались Петроградские районные городские думы — не подчинившись декрету о роспуске, они продолжали функционировать, содержать учреждения, милицию; последняя, при условии выплаты ей содержания, обязывалась подчиняться думе; нужны были экстренные средства для нужд милиции, охрана которой особенно была необходима в то время, от ночных налетов. Я, как председатель Казанской районной думы и председатель Комитета Общественной Безопасности, этого района (включавшего в себя Невский от Адмиралтейства — до Казанской площади с многочисленными банковыми и торговыми фирмами), пригласил представителей банков и торговых фирм и предложил им собрать между собою необходимую (около ста тысяч рублей) сумму займа городской думе; последовал вежливый отказ, и только после моего обещания снять охрану у тех фирм, которые откажутся от внесения денег, стали поступать отдельные взносы.

Еще хуже дело обстояло с партийными средствами — даже издание газеты становилось не по средствам. Т - н - сы должны были обратиться к Н. В. Чайковскому с просьбой раздобыть для издания газеты «Народное Слово» денег из фонда, полученного бабушкой Брешко-Брешковской из американского источника на культурно-просветительную работу против большевизма. Но и из этого источника получить удалось мало, так как эсеры уже предупредили нас.

В то время стало нарастать недовольство на почве недостатка продовольствия и террора, нужно было торопиться с организацией выступления против Советской власти. Опереться на собственные силы казалось ненадежным, при отсутствии дисциплины; средств не было. На помощь пришли союзники в лице своих представителей, которые после Брестского мира, зачислили Советскую власть в число своих активных противников и считали необходимым оказывать всяческую поддержку организациям, ведущим борьбу с большевиками; помощь велась довольно щедро рукой, и кому только, как увидим, она не оказывалась. По всему фронту — справа налево.

Вопрос о возможности воспользоваться иностранною помощью долго обсуждался с принципиальной стороны в ответственных политических кругах, в центральных партийных комитетах. Вопрос ставился не в плоскость официального участия центральных комитетов в сношениях с союзниками, а в плоскость допустимости для отдельных членов партии принимать участие в пользовании иностранною силою и деньгами в процессе борьбы с Советскою властью. Такая постановка вопроса была более гибкой, не возлагающей ответственности на центральные комитеты. В конце совещания по затронутой теме пришли к соглашению о допустимости воспользоваться союзническим десантом, как ядром, вокруг которого с'организуется рус-

ские боевые силы, воспользоваться материальными ресурсами союзников, но при условии, невмешательства их в наши внутренние дела. Эта форма, совместного с союзниками выступления, была однородна по своему содержанию, по видимому, и у т.-н-сов и у эсеров, и у меньшевиков, потому что, в дальнейшем мы увидим лидеров этих партий, участвующих в организации «Союза Возрождения», возникшего на указанных выше взаимоотношениях с союзниками. Итак, источник сил и средств был найден; кто и как им воспользовался, в дальнейшем увидим.

В конце марта 1918 г. ко мне однажды явился молодой человек, представивший мне рекомендации, оказавшийся Л. А. Кенегиссером и заявил, что он обращается ко мне персонально, а не как к члену Ц. К. и председателю П. К. партии труд-н-сов, от имени группы беспартийного, демократически настроенного офицерства, с просьбой организовать для них и военный и политический штаб. Группа офицерства, довольно многочисленная, поставила своей задачей бороться с большевиками, имея в каждом районе города свои комендантуры, занятая установлением дальнейшей связи с воинскими частями, накоплением сил. Прежде всего, я пригласил на совещание комендантов районов и наиболее видных членов организации, чтобы познакомиться с их политической физиономией и изложить свой взгляд на настоящее и будущее положение вещей; основным лозунгом был созыв нового Учредительного Собрания на основе четыреххвостки. Мою политическую платформу они приняли без оговорок. Тогда я решил сначала организовать для них военный штаб, а политическое руководство временно оставить за собой.

Военные круги я знал плохо; кому из специалистов поручить составление военного штаба, чтобы не попасть в просак с черносотенным генералом — вот вопрос, волновавший меня. Для авторитетных указаний я обратился к своему товарищу по Ц. К. т.-н-сов В. Б. Станкевичу, бывшему Верховному Комиссару при Ставке, который, конечно, должен был знать генералитет и офицерство и именно с политической точки зрения. В. Б. Станкевич незадолго до этого, по собственному желанию, вышел из состава Ц. К. партии в связи со своим поступком, красочно красивым, к сожалению, не оцененным в свое время Советской властью: при наступлении германцев В. Б. Станкевич, вопреки стоявшему тогда твердо партийному курсу — полной непримиримости по отношению к власти, исключавшей всякую возможность совместной работы с нею, явился к Главкому Крыленко и передал себя в его распоряжение для работы по обороне против наступающего врага. В период моего обращения к нему с просьбой указать идейных генералов, сам он был занят литературной работой — «С Россией или Германией», лично войти в штаб отказался, но указал мне на двух генералов — Болдырева и Суворова, как подходящих для этой цели. Генерал М. Суворов согласился участвовать в организации, приняв ее политические предпосылки. Генерал Болдырев заявил, что он переезжает в Москву, где с ним ведутся переговоры о работах совместно с демократическими организациями, что он вполне сочувствует организации, будет поддерживать с ней связь и переговорит с генералом Суворовым. В качестве руководителя военной части изъявили желание работать генерал А. И. Верховский и генерал М. Н. Суворов.

К этому времени относится образование в Москве «Союза Возрождения России». Очевидно, ведение «борьбы» с большевиками, Комитетом Спасения Родины и Революции и межфракционным совещанием Учредительного Собрания не удовлетворило наиболее активные партийные элементы, и они решили вести дальнейшую кампанию в условиях, при которых слова бы и призывы не расходились с делом, не связывая себя с официальными партийным представительством, но в то же время, осведомляя свои центры о

ходе работы. Я уже указывал, что нами, т. е. и т.-н-сами, и меньшевиками, и эсерами была тогда допускаема помощь союзников и силою и материальными средствами. Кроме того, мы считали необходимым, в целях единства фронта против Соевтской власти, итти совместно с буржуазной группировкой — кадетами, поскольку они примут наши политические лозунги, и основной из них — вся власть новому Учредительному Собранию, избранному по четыреххвостке. Временную власть «Союз Возрождения» проектировал строить по принципу коллегиальности и вручить верховные права директории из нескольких лиц; иностранная же помощь мыслилась как временная, без всякого вмешательства в наши внутренние дела. Более подробно и об организации «Союза Возрождения», и о том, во что вылились наши идеологические предпосылки и какую роль здесь сыграли отдельные группировки блока, будет сказано дальше. Сейчас же мне только нужно упомянуть о том, что «Союз Возрождения» с'организовался в Москве по персональному принципу, из кадет, т.-н-сов, эсеров, меньшевиков, и что его основными посылками были — коалиция социалистов с буржуазией до переворота и после при организации временной власти, признание интервенции, созыв нового Учредительного Собрания.

Ознакомившись с этими основными посылками организующегося в Москве «Союза Возрождения», я решил руководимую мною беспартийную военную организацию влить в союз и действовать под его знаменем. И генерал Суворов и А. И. Верховский и все мои наиболее видные члены организации с этим согласились, и организация стала действовать под флагом «Союза Возрождения», о чем был уведомлен генерал Болдырев, руководитель центральной военной организации союза в Москве.

В самом непродолжительном времени двое из комендантов районов заявили мне, что они сталкиваются на местах с сетью другой военной организации, которая, по их сведениям, является военной организацией партии эсеров, что они говорили с некоторыми ее представителями и последние изъявили желание работать на более широкой базе «Союза Возрождения». По опыту прежних месяцев, я не особенно - то верил в способность эсеров организовать какой бы то ни было вооруженный переворот против власти и поэтому остался весьма недоволен тем, что эсеры вновь призывают массы к активной борьбе, так как в нужный момент у партии не хватит воли привести слова в действие. Кроме того, партийная военная работа эсеров вне коалиции, вне «Союза Возрождения» могла создать, да и создавала, уже совершенно ненужную и вредную конкуренцию в работе. Поэтому, я согласился повидаться с представителями эсеровской военной организации и предложил официально ее представителям притти ко мне для переговоров о совместной работе. Вскоре ко мне явились эти представители — полковник Постников (ныне умерший), и упоминаемый в брошюре Семенова, броневик Шкловский. Во время обмена мнений выяснилось, что и Постников, и Шкловский, а по их словам и громадное большинство членов военной организации эсеров, желают работать и бороться за возрождение России под более широким флагом, а не под партийным знаменем; приветствует образование военной организации «Союза Возрождения» и готово немедленно итти на совместную с ней работу. Я спросил делегатов, являются ли они представителями военной организации эсеров и могут ли принять тут же окончательное решение от имени организации, и получил на это положительный ответ. Тогда, чтобы не терять времени, я предложил Постникову и Шкловскому немедленно же фактически слить наши организации, об'единив их по районам и подчинив единому военному штабу, в который пока входил я, генерал Суворов и А. И. Верховский, и куда от организации эсеров должен был войти полковник Постников; организация эсеров оставалась самостоятельной в сфере внутреннего распорядка, расходования средств, но руководство должно быть единое, как в центре, так и в районах. Постников и Шкловский согласились и мы тут же вновь произвели разбивку

районов, назначили в них комендантов, причем в одних районах, как, например, Выборгский, Литейный, Василе - Островский были оставлены коменданты «Союза Возрождения», и местные ячейки военной организации эсеров, подчинялись им; в других, например, Петроградский, Невский, остались коменданты из организации эсеров и наши были им подчинены. Центральный штаб сформировался из меня, полковника Постникова, генерала Суворова, А. И. Верховского, а через несколько дней в него вошел и член Ц. К. партии эсеров А. Р. Гоц, как второй представитель военной организации эсеров. Как я понял, Гоц не особенно доверял принятой линии поведения, с другой стороны, хотел усилить влияние эсеров в штабе.

На первом же совещании мы выяснили наши общие силы — они состояли из броневого дивизиона, который содержался на наш счет, отдельных ячеек в частях, рабочих ячеек, охранного караула при литейно-пушечном заводе, организованного офицерства. Денег было мало, рассчитывали на помощь из союзнических источников, переговоры с которыми вел и «Союз Возрождения» в Москве, и должен был повести Петроградский военный штаб.

Дня через четыре после совещания с Постниковым и Шкловским, как я уже упоминал, ко мне зашел А. Р. Гоц, который подробно ознакомился с положением вещей и заявил, что он также входит в военный штаб «Союза Возрождения», а еще дня через три состоялось первое заседание военного штаба, на котором присутствовали генерал Суворов, А. И. Верховский, полковник Постников, А. Р. Гоц и я. Здесь мы обменялись взглядами на поставленную задачу борьбы с большевиками, на конструкцию будущей власти, на военное командование, на методы работы, район ее, на необходимые для этого средства. Прежде всего, констатировали, что все мы являемся сторонниками соглашения, положенного в основу коалиции («Союза Возрождения»). Район нашей деятельности был определен в границах Петроградской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний. В качестве будущего главнокомандующего, говорили о кандидатуре генерала Лечицкого, выдвинутого Суворовым, но окончательного решения не приняли, поручив Суворову снестись с ним. Денежные средства решили брать от центральной военной организации «Союза Возрождения» из Москвы, и кроме того, непосредственно от союзников, поручив генералу Суворову войти в переговоры с ними. Методы работы должны были свестись к накоплению сил в овсей области, в разложении воинских, красногвардейских частей, в добывании оружия из частей и учреждений. Обязательным условием признавалась помощь союзников вооруженной силой, через высадку десантов, так как расшатанность дисциплины, по мнению военных, не обеспечивала возможности создания надежного военного кадра без иностранной помощи. Генерала Суворова выбрали казначеем, а мне было поручено быть посредником между военным штабом и всеми, с которыми пришлось бы иметь дело, политическими группами и партиями.

Весьма быстро генерал Суворов раздобыл первую сумму, очень большую, от генерала Герца из английского источника, которая была разделена между обоими составными частями военной организации «Союза Возрождения» — коренной ее частью и военной организацией эсеров, через полковника Постникова.

Затем генерал Суворов вошел в переговоры с представителями французской миссии о денежных средствах; ему там было сказано, что значительная сумма, в количестве нескольких сотен тысяч, будет на - днях передана «Союзу Возрождения» в Москве через генерала Болдырева. Действительно, вскоре от него поступило известие о том, что деньги получены и будут нам переданы; затем дополнительное извещение от Моисеенко, что 200 или 100 тысяч рублей (точно не помню), через эсеров, посланы из Москвы мне и генералу Суворову. Из них тысяч 30 руб. я получил через знакомого мне эсера с паролем из Москвы, а дальнейшая сумма не прихо-

дила. Деньги были нужны, организация ширилась. Генерал Суворов пригласил двух генералов, которым дал задание разработать план по части снабжения и путей сообщения будущей армии; я с А. И. Верховским выезжали в некоторые районы для наблюдения за ходом работы. А. Р. Гоц выразил мне неудовольствие по поводу того, что из 30 тысяч слишком мало уделено эсерам, всего десять тысяч, за которыми ко мне была прислана Коноплева. Я его попросил представить смету, по которой будут покрываться расходы военной организации эсеров. Смета эта была представлена (кажется, через Семенова).

Однако, затерявшиеся где-то деньги все не поступали ни ко мне, ни к генералу Суворову. Так как лицо, передавшее мне 30 тысяч от Моисеенко заявило, что остальная сумма передана через эсеров, то я обратился к А. Р. Гоцу, собиравшемуся проехать в Москву, с просьбой выснить, куда эти деньги делись и направить их по адресу, на что Гоц и согласился. По поводу этих денег (так как я непрестанно напоминал о них через Постникова и Гоца), ко мне зашел член Ц. К. эсеров Иванов, который заявил, что деньги, действительно, посланы из Москвы, но почему-то в Петрограде не получены, но по назначению доймут. Должен, к сожалению, констатировать, что так они к адресатам и не попали.

На эти полочки содержались все наши военные районы. Других средств из отечественных источников у нас не было. Слышал только, что у Н. В. Чайковского были еще какие-то источники в Москве, но думаю, что до нас они не дошли, так как нам суммы из Москвы шли через военный штаб — Болдырева и Моисеенко, которые имели средства от союзников (главным образом).

Что касается методов борьбы с большевиками, то они сводились к подготовке вооруженного выступления против Советской власти, собственными силами, если окажется возможным, или при посредстве союзнического десанта. Поэтому, военный штаб интересовало, с одной стороны, все, что могло служить к накоплению боевых и материальных средств внутри северного плацдарма, и с другой стороны, все, что могло обеспечить реальную помощь союзников.

Для достижения первой из указанных целей, мы, прежде всего, стремились пополнить свои ряды воинскими частями, для чего в последние, а также в военные учреждения вливали своих соратников (один из таковых, например, в последствии расстрелянный, капитан Гуровский, занял довольно видное положение в ведомстве Дзевалтовского, так что я в Москву ездил по литерам, добытым им). Затем, мы интересовались теми районами Петрограда, которые могли дать нам демократическую боевую силу — Нарвским, Выборгским и особенно Невско-Заставным, где район Обуховского завода был нам близок по своему настроению. Сюда я неоднократно выезжал, был также совместно с А. И. Верховским и Семеновым, причем последний своим Ц. К. даже не был осведомлен о том, что над партией эсеров стоял военный штаб «Союза Возрождения». Говорил я также с Семеновым о военной работе и о денежных средствах и должен по совести сказать, что автор нашумевших разоблачений об эсерах производил на меня впечатление на редкость искреннего, чистого, несколько фанатичного работника. Подобной фигурой являлся и один из моих сотрудников по военной организации, ведавший связью Л. А. Генегиссер, будущий убийца Урицкого, только с большей выдержкой и твердостью характера, чем Семенов, но такой же энтузиаст.

В июне месяце прибыла в Петроград и стала у Обуховского завода морская минная дивизия, настроенная не в пользу Советской власти. Мы немедленно завязали с ней связь, и ввиду исключительной важности района, назначили сюда комендантом упоминаемого в брошюре Семенова штабс-капитана Ганджумова, энергичного работника. Вскоре представилась возможность испробовать наше влияние на Обуховских рабочих и матросах

минной дивизии, — на завод должны были прибыть представители Петроградского губисполкома для агитации по созданию продотрядов; рабочие предупредили меня и провели, как рабочего, на общее собрание на завод, где были также и матросы минной дивизии. Своей речью я сорвал посылку продобряда, а матросы насильно удалили с собрания представителя губисполкома.

В это время шла усиленная эвакуация из Петрограда снарядов, пушек, и другого военного имущества в огромном количестве по Мариинской системе. Имея ввиду переговоры с союзниками в Москве, и согласие последних на высадку в Архангельске, а также шедший набор офицерства на Мурмане английским генералом Пулем, мы проектировали еще до десанта захватить в свои руки военные грузы, шедшие по системе, создать здесь свою операционную базу. Агенты наши тут были, и сведения о продвижении грузов к нам регулярно поступали. Одновременно мы старались раскинуть сеть своих агентов и ячеек по линии Северной ж. д., что нам и удалось, с целью воспрепятствовать продвижению войск большевиков из Петрограда, если бы район Мариинской системы нами был бы захвачен раньше Петрограда. К тому же времени относится движение крестьян в Новгородской губернии (кажется, около с. Медведь), откуда нами был вызван полковник Г., который был снабжен деньгами и ему было дано поручение продолжать организацию крестьянских отрядов для борьбы с продотрядами.

В отношении Петрограда мы ждали окончания организационной работы в морском дивизионе, опираясь на который, а также на броневой дивизион и наши районные дружины, мы считали возможным устроить переворот.

Вот в общих чертах схема выполнявшейся тогда нами работы. В военном штабе велась информация, ставился вопрос о времени выступления, причем А. Р. Гоц всегда рекомендовал более осторожный удар, удар наверняка при учете всех сил, а генерал Суворов особенно опасался выступления без помощи союзников.

При дальнейшем обсуждении вопроса о будущем главнокомандующем, окончательно остановились на генерале Лечицком (для северного района), хотя Гоц и высказывался за большую пригодность для этого поста генерала Суворова. С Лечицким так никто из нас и не виделся, жил он где-то под Лугой, и к нему я с Суворовым так и не удосужились съездить.

Вскоре штаб наш понес потерю — был арестован А. И. Верховский, принимавший, таким образом, в работе штаба участие лишь в первый период его оформления и выявления к жизни.

Иногда на заседания штаба я приглашал комендантов районов, чтобы они имели представление о наших делах.

IV.

На ряду с работой по организации и накоплению сил внутри военной организации «Союза Возрождения», в Петрограде шла работа по завязыванию связей с союзническими кругами и по выявлению конкурирующих организаций, с одними из которых мы поддерживали контакт, а в отношении других — стремились к их распылению и уничтожению; в то же время шла выработка дальнейшей линии политического поведения, для чего у нас в Петрограде образовался политический центр «Союза Возрождения».

Генерал Суворов неоднократно встречался с представителем французской миссии, но основные переговоры с ними вела центральная организация «Союза Возрождения» в Москве.

Я не присутствовал в Москве в момент образования там центральной организации «Союза Возрождения» и поэтому не знаю, кто в нее входил, но знаю, что были и т.-н-сы и эсеры и кадеты, причем последние одновременно входили, и в так называемый, правый центр, состоявший из кадетов и группы общественных деятелей во главе с Родзянкой; кадеты служили связью между «Союзом Возрождения» и правым центром: если «Союз Воз-

рождения» только еще оформлялся, то правый центр являлся организацией уже законченной и свою военную работу ведший через генералов Алексеева и Корнилова, где Алексейев был председателем совета, а Корнилов главнокомандующим.

И правый центр, и «Союз Возрождения», и организация Савинкова одновременно вели переговоры с союзными миссиями (главным образом, французской и английской) о денежных субсидиях для борьбы с советской властью.

Союзники всех их принимали, всем обещали и всем открывали кредит. При этом, не обходилось и без некоторых попыток дискредитировать своих конкурентов в глазах союзников. Мне передавали, что «Союз Возрождения» решительно возражал против поддержки союзниками сепаратной организационной работы Савинкова, доказывал, что только Союз является истинным представителем настроений народа; в отношении правого центра выдвигались обвинения в реакционности его. Н. В. Чайковский и Н. Д. Авксентьев вели эти переговоры с миссиями, вел их также и генерал Болдырев. Союзники (Нуланс) обещали помощь, высадку в Архангельске, занятие Вологды для создания плацдарма, в сфере которого могло бы производиться формирование русских противобольшевистских сил, давали деньги. В то же время и Савинков получил от Нуланса категорическое заверение о поддержке его союзниками с севера; на основании этих заверений, несомненно, и произошло преждевременное выступление Ярославля, ответственность за жертвы которого, в большей своей части, падает на тароватого на посулы Нуланса, а затем уже на Савинкова. Правый центр, ввиду слишком необремененной, многообещающей и мало осуществляющей политики союзных миссий стал разочаровываться в них, и в его среде наступил раскол на почве отношения к союзникам, выявилась германофильская группа, во главе с Кривошеиным и Леонтьевым. Течение это совпало с пребыванием Мирбаха в Москве и Эйхгорна на Украине, и не лишено было практической целесообразности, — даже антантофил Милоков тогда предпочел в борьбе против Советской власти опереться на германские официальные круги.

Вместе с тем, «Союз Возрождения» вступил в переговоры с Савинковым, стремясь подчинить его сфере своего влияния, но из этого ничего не вышло. Таким образом, в то время в центре, в Москве, шла усиленная обработка союзных миссий со стороны этих трех организаций для получения реальной помощи в борьбе против большевиков.

Я до сих пор достаточно определенно не усваиваю, от имени кого действовали эти отдельные представители дипломатического корпуса, давали обещания поддержки, выдавая субсидии. Так, например, Нуланс давал категорическое заверение о союзническом десанте в Архангельске, о продвижении на Вологду, так, что можно было думать, что он действует в контакте с представителями других союзных стран и в согласии со своим правительством. Назначлось даже время высадки. Каково же было изумление Н. В. Чайковского, приехавшего в Архангельск, для предварительных переговоров с союзниками, когда командующий английской эскадрой, на предложение Н. В. приступить к конкретному выполнению задания, — произвести высадку — заявил, что ему ничего о переговорах не известно и он снесется со своим правительством на предмет получения инструкций. Получается картина разноречивости в деятельности союзников за этот период, вызванного, очевидно, колебаниями и неуверенностью в способности социалистических группировок совершить переворот: все симпатии, как мы потом увидим, союзников, лежали на стороне кадетов и правых группировок, а общая политическая конъюнктура заставляла идти их на подмогу социалистам, которым они не верили.

Союзники разменивались на мелочи, обещая, давая мелочь, оттягивая окончательное решение.

В это время я, и Петроградская группа Союза Возрождения и понятия не имели о подготовке с-рами движения в Самаре, под флагом Комитета членов Учредительного Собрания старого состава. Наметившаяся комбинация в Самаре противоречила принципам Союза Возрождения, опиралась на власть старого Учредительного Собрания и строила будущую власть на партийной диктатуре партии с-ров, так как с устранением из Учредительного Собрания большевиков — одной третьей части всего его состава, конечно, отпадал принцип народоправства в предполагаемом строительстве власти, третья часть голосов избирателей аннулировалась. Союз же Возрождения стоял на точке зрения временной коллективной диктатуры (директории) из представителей всех группировок, кроме большевиков. Я не могу утверждать, вел ли Ц. К. партии с-ров также переговоры с союзниками по поводу помощи при образовании Самарского выступления Комуча, но так как там было «действо» чисто партийное с-рское, и с чехами вел разговоры Комуч, а чехи без согласия Антанты едва ли бы выступили, то следует, без боязни вбасть в ошибку, предполагать, что и тут не обошлось, вернее, не могло обойтись, без переговоров с дипломатическими миссиями.

Следовательно, в самом процессе организации борьбы под флагом Союза Возрождения уже крылись внутренние противоречия, которые помимо неправильных идеологических препосылок, привели к краху всего предприятия: союзники одновременно давали заведения справа налево и Алексееву, и Корнилову, и Правому Центру, и «Союзу Возрождения», и Савинкову, и с-рам, поддерживая своими обещаниями и денежными субсидиями эти группировки и тем, поощряя их разрозненные изолированные попытки строить организацию переворота и будущей власти, раз'еденая, раздорбляя те силы, которые могли бы быть брошены на борьбу с большевиками; это первое противоречие: второе, заключалось в том, что наиболее видная ответственная и руководящая группировка — партия с-ров одновременно также работала на два фланга — и направо и налево, принимая участие в Союзе Возрождения и готовясь к борьбе под его лозунгами и в то же время организуя свое партийное выступление в Самаре, обеспечивающей диктатуру партии, диктатуру части Учредительного Собрания под маской народоправства; я, думаю, что именно здесь был заложен фундамент того, что именуется политическим двурушничеством и что характеризует всю дальнейшую работу партии с-ров в процессе русской революции.

Я, повторяю, как и все работники Союза Возрождения, искренне думали, что с организацией Союза Возрождения устранены все недостатки работы Комитета Спасения Родины и Революции, что об'единились наконец, активные элементы, способные не только к словам, но и к делам, что отпала дирижерская палочка Центральных Комитетов, что все мы идем к единой цели, под признанным нами общим знаменем. Мы не подозревали, что в наших рядах есть двуликие политические Янусы, готовые нас предать и отмежеваться от нас. Если при работе в Комитете Спасения оказались недостаток воли, стремление и воевать и не воевать, и тем об'ективно предавалась шедшая за выброшенными лозунгами масса, то в Союзе Возрождения сказалась воля и кадетов и с-ров к подготовке сепаратных тайных комплотов, и тем уже и суб'ективно и об'ективно предавались все искренно работающие в Союзе Возрождения и верящие в политическую честность своих соратников.

Я в Москву приехал в первых числах июня 1918 г., где был приглашен на заседание центральной группы Союза Возрождения. В числе присутствующих были: Н. Д. Авксентьев, Аргунов, Н. Н. Щепкин, кажется Астров, генерал Болдырев,, Моисеенко, Л. М. Брамсон. Я сделал информацию о работе в Петрограде, а затем был поставлен вопрос о конструкции будущей временной власти. Н. Н. Щепкин от имени кадетов и правого центра настаивал на единоличной диктатуре, причем в качестве кандидата выдвигал генерала Алексева. Остальные высказывались за коллегиальное устройство

верховной власти в виде директории, перед которой отвечает министерство. В качестве компромиссного решения было предложено Щепкиным — директория, но председателем ее обязательно военный генерал, Верховный Главнокомандующий.

Возражал особенно решительно, против этой комбинации Н. Д. Авксентьев; генерал Болдырев, склонен был принять эту формулу.

На следующем заседании вопрос был, насколько мне помнится, разрешен в смысле предложения левой части Союза Возрождения, и затем приступили к персональному намечанию кандидатов: кандидатуры Милокова, и ген. Алексеева не прошли, и в состав будущей директории были намечены Н. Д. Авксентьев, Н. В. Чайковский, Аргунов, Кишкин, Астров и генерал Болдырев. Причем, хотя состав директории и был определен в числе пяти человек, но было намечено шесть человек, так как в виду трудности перехода через фронт (Сибирский) не рассчитывали, что всем кандидатам удастся туда пробраться. Сибирь же была намечена как база, в которой должна строиться новая власть. Намеченным членам директории было дано задание проехать туда.

На дальнейших совещаниях, в виду отъезда в Петроград, я не присутствовал. В это время, повидимому, союзники уже обещали в принципе признать директорию за всероссийскую власть.

Некоторое время спустя политический центр Союза Возрождения образовался и в Петрограде; в совещаниях его участвовали: Л. М. Брамсон, я, (н-сы), А. Р. Гоц (с.-р.), В. Д. Пепеляев (к-д), будущий глава правительства при Колчаке), Потресов, Розанов, (с.-д. меньшевики). Этот политический центр активности не пороявлял, не чувствовал единства мысли, дела. Собирались, делились информацией на тему о промахах и ужасах большевиков, о помощи союзников, о настроении рабочих и солдат. Дальше этого почти не шли.

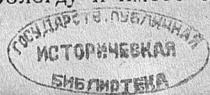
Как раз в это время приехал представитель Вологодского Отдела Союза Возрождения с просьбой к нам, дать министров для будущего Архангельского правительства; разрешением этого вопроса и занялся Петроградский Политический Центр Союза Возрождения, но об этом будет сказано ниже.

V.

При ведении военной работы в Петрогаде, как я уже упоминал, приходилось сталкиваться, вернее нащупывать, различные, подпольные организации, ведущие также подготовку переворота. К сожалению, прошедшие четыре года, не дают возможности отчетливо припомнить все группировки, с которыми так или иначе пришлось встречаться.

Первая организация, с которой я получил связь (через генерала Суворова) была организацией генерала Герца, занимавшегося переброской офицеров на Мурман, через Петрозаводск и через Финляндию. Офицеры перебрасывались в распоряжение английского генерала Пуля на счет английского правительства. С генералом Геруа я вел беседу, причем последний уклонялся от ответа на вопросы, касающиеся будущего политического устройства, ради которого он ведет работу и ставил беседу исключительно в плоскость практическую, деловую — англичане, мол, заинтересованы в переброске возможно большего количества офицеров на север, в Мурман и Архангельск, а поэтому готовы оказать содействие и военному штабу «Союза Возрождения», о котором слышали здесь от генерала Суворова, и выдать денежные средства на ведение его работы. Не входя в организационную связь, мы взяли от Геруа небольшую сумму денег (количества не помню — тысяч пятнадцать).

Недели через три один из наших районных комендантов привел ко мне доктора Ковалевского, впоследствии расстреленного. Оказалось, что он руководит организацией, направляющей офицеров тому же английскому генералу Пулю через Володу и имеет своего представителя в Архангельске, ра-

ботающего под фамилией Томсона, находящегося там в тесном контакте с английской миссией.

Из беседы с Ковалевским я вынес впечатление о том, что организация эта правого устремления и стоит за диктатуру генерала (повидимому) Алексева, а пока что является агентом генерала Пуля и набирает, главным образом, гвардейское офицерство, непосредственно в распоряжение генерала Пуля. Поэтому, от совместных действий с ней я отказался, но мы решили регулярно информировать друг друга о положении дел, не предпринимать выступлений без предварительного осведомления другой стороны. Были также объединены некоторые конспиративные квартиры под Вологодой.

Я не знаю, являлись ли организации Геруа и Ковалевского вполне самостоятельными или составляли звенья одной цепи.

За обоими этими организациями стояли группировки правого центра.

В дальнейшем мы еще встретимся с их агентами в Вологде и Архангельске.

Линия поведения по отношению к ним военным штабом «Союза Возрождения» была одобрена. Вскоре же ко мне стали поступать предложения войти в переговоры с организацией, возглавляемой эсером, бывшим Верховным Комиссаром при Ставке, М. М. Филоненко. Много о нем мне говорил его родственник Л. А. Кенигиссер и, характеризую Филоненку, как человека исключительной воли и энергии, просил меня согласиться на свидание с ним. Для меня не было сомнения в том, что Л. А. Кенигиссер по родственным — личным чувствам, или по личным отношениям, был под влиянием Филоненки, и поэтому, прежде чем решиться на свидание с ним, я хотел от кого-либо другого получить характеристику его организации; кроме того, личность Филоненки, после его двуличного поведения в корниловском заговоре вызывала у меня сомнение (первоначально Филоненка вошел в кабинет Корнилова, как министр внутренних дел, а через три дня в Петрограде уже вооружал петроградских рабочих против Корнилова, от имени Петроградского Совета, — к этому времени крах авантюры Корнилова был уже ясен).

Мне пришлось встретиться с одним из влиятельнейших руководителей Преображенского полка, который в это время был в определенной оппозиции к власти. От него я узнал, что и он, и командный состав полка, и часть солдат состояли в организации Филоненки, подготовляющей выступление против Советской власти, содержится на суммы, данные Филоненке буржуазными финансовыми кругами; тут фигурировала фамилия Карташева. Будущее Временное Правительство им мыслилось под председательством Филоненки, который должен был соединить в своих руках и портфель военного министра. Последнее условие — роль Филоненки в будущей власти сглаживалось как обязательное.

Такая постановка вопроса сводила, по моему мнению, всю работу организации Филоненки к достижению его честолюбивых замыслов, а не общественного блага: поэтому, от знакомства с военными спецами, членами его организации, как и от встречи с ним самим, я уклонился. Знакомство наше произошло уже в Архангельске, после переворота.

Встречался я еще с представителями двух каких-то военных организаций; одна из них вела работу в районе станций Торшино и Луги, но физиономии не только организаций, но и ее представителей показались мне настолько подозрительными, что я отказался от политических бесед с ними. Здесь было что-то похожее на германский шпионаж; другая организация, повидимому, находилась под руководством кадета В. Н. Пепеляева, так как он весьма интересовался впоследствии, чем кончилась моя беседа с ними. Кончилась она ничем, так как мы хотели еще раз встретиться, но не успели, вследствие ареста ее представителя полковника П.

Наконец, мне пришлось столкнуться еще с организацией некоего Иванова, бывшего присяжного поверенного, кажется, владельца банкирской конторы. Однажды комендант Невско-Заставного района Ганджумов сооб-

шил мне, что среди матросов минного дивизиона ведется работа какой-то организацией под руководством некоего Иванова. Я не обратил на это серьезного внимания, так как ни одна из известных мне политических группировок работы там не вела, и поэтому, я считал сведения об «организации» Иванова сплетнями; однако, через несколько дней Ганджумов вновь заявил мне об этой организации и сообщил, что по его информации, организация эта дала пробный приказ по минной дивизии выставить два миноносца к Литейному мосту (стояла она у Обуховского завода). На другой день я, действительно, увидел два миноносца у Литейного моста. Меня это встревожило; я опасался какого-нибудь преждевременного провокационного выступления, и поэтому, принял предложение Ганджумова повидаться с Ивановым. На другой день я и А. И. Верховский, от имени военного штаба «Союза Возрождения» встретились на квартире Ганджумова с Ивановым, причем последний не знал, с кем он персонально имел дело. Иванов заявил, что их организация поддерживается рядом демократических земских, городских организаций.

Из дальнейших расспросов удалось совершенно определенно установить, что ни одна из перечисленных Ивановым организаций за ними не стоит, что существует она на германские деньги, что главоверх их — генерал Юденич, с которым, однако, нам в свидании Иванов отказал, под предлогом его отсутствия из Петрограда, чем дал нам повод сомневаться в правдивости своих слов и думать, что он спекулирует именем генерала Юденича. Выяснившаяся физиономия «организации», личное неприятное впечатление, произведенное на нас Ивановым, заставило нас решительно отказаться от всяких сношений с его организацией и поручить Ганджумову разъяснить, через нашу связь, матросам о сущности г. Иванова.

Сравнительно скоро после этого, минная дивизия была разоружена.

Впоследствии в Архангельске я столкнулся с одним из руководителей этой дивизии, с которым случайно не успел встретиться в Петрограде, лейтенантом Л., по духу скорее большевиком, чем правым социалистом, от которого узнал, что в то время, в Петрограде, матросы и он были введены в заблуждение рассказами Иванова о демократическом анатантофильском характере его организации.

Как видит читатель, в описываемое время Петроград кишел всякими организациями, поставившими своей задачей борьбу с большевиками, организациями в своем большинстве питающимися из одного и того же союзнического кармана, и несмотря на общность непосредственной цели, — сломить большевиков, ненавидящих друг друга, неверящих друг другу, готовых при первом устремлении к дальнейшему строительству России, которую каждая организация понимала по своему, перегрызть друг другу горло, — что потом и случилось.

VI.

В июле месяце в политический центр «Союза Возрождения» в Петрограде прехал представитель вологодского отделения «Союза Возрождения». Он заявил, что в Вологде подготовка к перевороту почти закончена, все готово, ждут только высадки союзнического десанта в Архангельске. Намечена также конструкция временной власти в Северной области, но не хватает только будущих министров, так как на месте у них кроме Сергея С. Маслова, Дедусенко, Питирима Сорокина, других кандидатов нет и вологодский отдел просит Петроград дать других членов Северного Правительства.

Обсудив этот вопрос, политический центр решил в Архангельске строить правительство временное, окраинное, без титула министров, учитывая постановление «Союза Возрождения» о строительстве центральной власти на Урале или в Сибири; затем, было решено послать военного руководителя в Вологду от Петроградского военного штаба «Союза Возрождения», каковым и был послан в Вологду генерал Х. Недели через полторы по-

литический центр просил меня проехать в Вологду переговорить о времени ожидаемой высадки союзников, о первых шагах будущего правительства; вместе с тем, я решил произвести смотр военной организации союза в Вологде по поручению военного штаба.

В Вологде я застал генерала Х., который информировал меня о степени подготовки военной организации Сюзозроста к выступлению. Оказалось, что военная организация «Союза Возрождения» в Вологде является фактически военной организацией эсеров, так как, кроме эсеров в ней никто не работал. Средства шли через С. Маслова непосредственно партийным руководителям организации. В средствах не нуждаются, так как имеют местный источник — английскую миссию (в то время иностранные посольства находились в Вологде). Вся организация сводилась к партийной организации эсеров в железнодорожных мастерских, группе офицерства, небольшому складу оружия. Районная организация существует только в Череповце. Надеяться, при таком положении вещей, на переворот невозможно, следует, прежде всего, расширить работу за пределы партийной организации. Я собрал совещание эсеров, работников в военной организации, указал на недопустимость замыкания в рамках партии, когда работа ведется от имени и на средства «Союза Возрождения» и предложил ряд конкретных мер для расширения работы. За выездом Маслова и Дедусенко в Архангельск, военной работой в это время руководил в Вологде эсер А. В. Турба, впоследствии расстрелянный.

Политический центр «Союза Возрождения» в Вологде пребывал в нетягах, так как военный отдел, руководимый Масловым, почти не ставил его в курс дела, и центр совершенно пребывал в неведении, чего-то ждал, ждал и высадки союзников, и переворота в Вологде, но практической работы не вел. Не застав Маслова и Дедусенко в Вологде, я выехал к ним в Архангельск.

В Архангельске я, к глубочайшему своему удивлению, застал Н. В. Чайковского, который должен был, как намеченный член Директории, выехать и пробраться в Сибирь. Оказывается, С. Маслов с друзьями убедили Н. В. переехать в Архангельск и возглавить будущее правительство Северной области. Доводом для убеждения послужило обстоятельство, что Н. В. является членом Учредительного Собрания от Вятской губернии, а последняя должна была войти в состав Северной области и, следовательно, он обязан был быть среди своих избирателей. Конечно, Маслову и компании попросту хотелось иметь во главе правительства человека с крупным общественным именем, чем, конечно, никто из бывших там эсеров похвастаться не мог.

В Архангельске я с Масловым, Дедусенко и эсером, членом Учредительного Собрания от Архангельской губернии А. А. Ивановым обсудили текст будущей декларации правительства; решено было его именовать Верховным Управлением Северной области, а членов правительства не министрами, а управляющими отделами. На вопрос их о кандидатах в члены правительства, я сообщил им, что Петроградский политический центр «Союза Возрождения» кандидатов не назначил, а только называл в беседе лиц, которые могли бы взять ту или иную отрасль управления (так меня упоминали, как лицо, подходящее для управления внутренними делами области).

В Архангельске велись усиленные переговоры с союзниками, которые к тому времени уже перекочевали туда из Вологды. И англичане, и французы обещали «Союзу Возрождения» свою поддержку, настаивая на одновременной высадке десанта и переворота посредством организованных сил отдела «Союза Возрождения». Маслов вошел в контакт с организацией, руководимой доктором Ковалевским (в Петрограде) через ее представителя в Архангельске, проживавшего под именем Томсона — капитана 2-го ранга Чаплина и через полковника Чарковского, —

и вся подготовительная работа по перевороту шла совместно у обеих организаций. Вооруженную силу составляли — конный дивизион под командой офицера Берга и небольшие крестьянские отряды. В деньгах недостатка не чувствовалось, так как источник их — миссии — находились тут же.

Вскоре, после возвращения в Петроград, приехал в военный штаб руководитель военной организации в Вологде генерал Х. и заявил, что он не считает возможным готовить в Вологде выступление до союзнического десанта, без фактического содействия союзников вооруженной силой; что военная организация «Союза Возрождения» в Вологде попрежнему слаба, попрежнему работают эсеры одни, достаточно изолированно от других общественных группировок; что он ездил в Архангельск, встретился с Томсоном - Чаплиным, фактическим руководителем военной организации, совместно с Масловым, подготовлявшим переворот, и что Томсон произвел на него впечатление человека не серьезного, мало опытного в военном деле, с замашками Хлестакова; от дальнейшей работы в Архангельске в контакте с Томсоном генерал Х. отказывался. Я навел справку о Томсоне у доктора Ковалевского, сообщил ему мнение о Томсоне генерала Х.; доктор В. П. Ковалевский мне ответил, что Томсон - Чаплин, действительно, несколько легкомыслен и авантюристичен; и он его из Архангельска уберет. Сделать, однако, этого ему, в виду происшедшего переворота в Архангельске, не удалось.

Тогда военный штаб «Союза Возрождения» в Петрограде счел необходимым делегировать меня в Вологду для непосредственного руководства военной работой там «Союза Возрождения». Одновременно Петроградский политический центр «Союза Возрождения» просил меня, А. Р. Гоца и В. Н. Пепеляева проехать в Вологду и взять на себя общее руководство всей работой «Союза Возрождения» в Вологодском плацдарме; мы все трое изъявили согласие. Однако, когда я, дня через три - четыре выехал в Вологду, то ни Гоца, ни Пепеляева я там не дождался; А. Р. Гозц выехал в Москву, а В. Н. Пепеляев — в Сибирь, где сыграл впоследствии реакционную роль в правительстве Колчака, сначала как министр внутренних дел, а потом как председатель совета министров. Вологодский плацдарм приковывал в это время наше особое внимание, мы придавали ему огромное значение. В Петрограде только что было произведено разоружение минной дивизии, а без нее делать выступление в Петрограде мы не считали возможным; кроме того, в это же время эсеры, тайно от «Союза Возрождения», уже направляли организованное офицерство в Самару, где ими был создан партийный политический центр в лице Комуча. Таким образом, наши силы в Петрограде оказались недостаточными. В связи же с нашими планами о захвате Мариинской системы с эвакуировавшимся по ней из Петрограда военным грузом, а также с твердым заявлением союзников о том, что они произведут высадку в Архангельске и, самое позднее дней через десять после высадки, будут в Вологде, мы решили на Вологде сосредоточить центр нашего внимания, всю нашу работу.

Дня за два до моего отъезда в Вологду, ко мне заходил член Ц. К. партии эсеров Лихач, предлагавший мне послать офицеров, членов военной организации «Союза Возрождения», на юго - восток, в Самару, что таково распоряжение Ц. К. партии эсеров. Я ему ответил, что решение Ц. К. эсеров для меня не обязательно, что я ничего не знаю о намерении эсеров в Самаре, но что имею определенные директивы военного штаба «Союза Возрождения» сосредоточить силы в Северном районе, о чем осведомлен и член Ц. К. эсеров Гозц, не возражавший против организации боевого северного плацдарма. Лихач выехал в Архангельск, а через два дня я уехал в Вологду.

В Вологде, как я уже упоминал, военной работой, за отъездом Маслова в Архангельск, руководил эсер А. В. Турба. С ним и эсером Талицким, заведывавшим связью, мне и пришлось больше всего иметь дело.

Со мной приехали в Вологду несколько офицеров, членов нашей петроградской организации, которым я немедленно дал задания. Целью нашей работы было в течение десяти дней приготовить Вологду к перевороту и сохранить военное имущество на складах от разрушения его отступающей Советской властью. В день моего приезда в Вологду, в Архангельске высадился союзный десант, и произошел переворот. Образовался фронт по линии железной дороги у станции Обозерской, на Северной Двине, ниже Котласа и в районе города Вельска. Силы Советской власти, которые она двинула против десанта, были ничтожны; через неделю на всех трех участках фронта было не более трех тысяч человек. Я быстро нашел сотрудников в штабе главнокомандующего большевиков К е д р о в а, и все военные сведения и сводки получал регулярно. В самой Вологде находился только один Стрелковый латышский полк.

Ожидая союзников, согласно их обещания, дней через десять под Вологдой, мы решили принять меры к охране огромнейших военных складов в Котласе, Сухонских складов и, кажется, в гор. Буге; в складах этих хранилось резервное военное имущество всей русской армии и исчислялось в миллионах штук и пудов. В Вологде же, по нашему предположению, восстание должно было произойти, когда союзники и Архангельское правительство будут в верхах ста от Вологды. На Сухонские склады были посланы организаторы; Череповецкой организации было дано задание мешать продвижению поездов с эшелонами из Петрограда; одновременно принимались меры к недопущению начавшейся интенсивной эвакуации Сухонских складов; был испорчен железнодорожный путь на пути из Вологды на юг и юго-восток.

Первое время работа шла на лад; потребовались новые денежные ресурсы. Денег в кассе Вологодского военного штаба «Союза Возрождения» уже не было — часть увез их для Архангельска М а с л о в, вологодская часть была израсходована. А. В. Турба и Талицкий свели меня тогда с проживавшим нелегально в Вологде представителем английской миссии Г е л е с п и, который выкопал оставленные в условном с миссией месте деньги и передал мне для нужд военной работы. Получал от него я деньги раза три, всего на общую сумму тысяч полутора, двухсот; на эти средства было куплено оружие, содержались члены организации, бывшие на нелегальном положении. Среди эсеров возникло определенное недовольство тем, что союзная субсидия стала проходить уже не через их руки, а мои, а я выдавал им деньги только для эсеров, работников «Союза Возрождения», не давая возможности тратить эти суммы на партийные нужды.

Прошло две недели. В советских газетах мы прочли, что в Архангельске образовалась правительство с Н. В. Чайковским во главе, что военным министром в нем М а с л о в, но никаких вестей непосредственно от них не получали.

Союзный флот все оставался на том же расстоянии, продвинувшись лишь до станции Плесецкая. В Вельском направлении, где весь большевистский фронт состоял из 300 человек, правительство архангельское также оставалось на месте. Все это говорило нам, что у наших друзей по ту сторону фронта сил мало и нужно им помочь. Решили выступить в Вологде. К этому времени из Петрограда в Вологду прибыло два полка для переброски на фронт. Ко мне приехал Л. А. Кенигиссер и передал связь с командным составом этих полков; оказалось, что командный состав и часть солдат — члены организации «Союза Возрождения», и готовы выполнять наши поручения; но ближайшее знакомство с ними убедило меня, что полагаться на активное выступление можно только немногих, остальные останутся «нейтральными». В полках этих велась слишком откровенная противосоветская агитация, и каждую минуту можно было ожидать их разоружения. Штаб К е д р о в а знал об их ненадежности.

В один из этих полков, отправлявшийся на фронт, мы ввели несколько человек из нашей организации, которые, по прибытии на железнодорожный фронт, разложив значительную часть полка, перешли на сторону архангельского правительства; впоследствии я их встретил в Архангельске.

Подготовка к выступлению стала тормозиться вследствие репрессий по отношению к Вологде; массовые аресты, поквартальные обыски и облавы нервировали работников «Союза Возрождения»; ряды их редели за счет тюрем. Был арестован, а потом расстрелян А. В. Турба. Мне, без документов, пришлось три недели почти ежедневно менять место ночлега, рискуя ежедневно попасться не только самому, но и подвести под репрессию граждан, принимавших меня ночевать; в таком же положении находилась часть офицерства, документы которых, как и мои, были провалены.

Руководитель организации на Сухонских складах, один эсер, выехав туда для работы, по дороге раздумал и, не предупредив меня, уехал в Тотьму; работа на Сухоне не удалась. Члены штаба Кедрова, работавшие в «Союзе Возрождения», жили под страхом ежедневного ареста, как бывших офицеров. Нужно было решить — или выступить в Вологде, или перекинуть силы по ту сторону фронта.

Тогда я решил сделать последнюю попытку для производства выступления в Вологде — получить из Петрограда в Вологду наши броневики; если бы они прибыли в Вологду, успех выступления был бы обеспечен. В штабе Кедрова удалось провести эту мысль, и Кедров послал в Петроград телеграмму, прося прислать для подкрепления несколько броневиков, но Зиновьев ответил отказом.

После этой неудачи, надежды на успешное выступление не оставалось, нужно было своевременно спасти наши силы от окончательного разгрома и вывести их из Вологды. Для разрешения этого вопроса было создано совещание под Вологдой, на котором присутствовали представители военной организации «Союза Возрождения» и английский представитель Гелеспи. Эсеры выразили недовольство тем, что работой руководит беспартийный военный штаб, заявили о своем желании вести работу самостоятельно; также недовольны они были тем, что в случае удачного переворота в Вологде, я проектировал сосредоточение местной власти, подчиненной архангельскому правительству, не в руках эсеров.

На совещании я предложил всем членам организации выступить вооруженными в Кадников (где было около 20 человек вооруженной охраны), занять город, взять там небольшие склады оружия, два пулемета, мобилизовать население, перерезать линию железной дороги на Архангельск и тем отрезать от фронта железнодорожный фронт большевиков, который, несомненно, остался бы в очень тяжелом положении, находясь за 500 верст от своей базы, среди болот, будучи от этой базы отрезан. Однако, эсеры решили, что они пойдут отдельно от «Союза Возрождения». Таким образом, на совещании было решено одно — выступление в Вологде не организовывать, работу в ней «Союза Возрождения» ликвидировать и вывести остатки наших сил из Вологды, спасая их от разгрома со стороны Кедрова.

Через два дня назначен нам был выход из Вологды; средства на переход были получены мною от Гелеспи.

В конце-концов, вышло со мной из Вологды всего 15 человек офицеров, в том числе члены штаба Кедрова со всеми материалами, касающимися фронтов Советской власти. ✓

Вышли мы в начале сентября, одетые в солдатские шинели, вооруженные винтовками, револьверами, ручными гранатами, с подложным документом на отряд какого-то несуществовавшего коммунистического полка.

Предстояло пройти пешком не менее пятисот верст, так как нужно было обойти Вельский фронт.

В первую ночь мы прошли вдоль реки до Сухоны, переправились через нее на сопровождавшей нас ледке. Утром мы были уже верст за 70 от Вологды.

Через Кадников мы проехали днем на подводах, были остановлены в городе политкомом, который пожелал нам удачи по ловле белых беглецов.

Я не буду здесь описывать нашего 23-дневного пути. Скажу только, что путь был тяжелый, по болотам; все 23 дня мы были насквозь мокрые, а просыпались при инее; ноги так разболелись, что некоторые не могли итти ни в сапогах, ни в лаптях, ни в обмотках; после перестрелки около села Келорева - Горка, где погиб наш товарищ Борис Садоков, мы голодали дней пять. Наконец, мы вышли на Шенкурский тракт, а затем добрались до Шенкурска.

Никакие трудности и тяготы нас не в состоянии были остановить — такова была сила веры в то дело, ради которого мы пошли, вера в необходимость борьбы за возрождение России, борьбы против захвативших власть большевиков.

Не думалось, что вскоре придется переживать моральные страдания еще более тяжелые и утомительные, чем наш путь на Архангельск. Не думал я, что таково будет реальное воплощение нашей веры, наших идей, которые пришлось увидеть в Архангельске...

До сих пор мне пришлось писать о подготовке к новой жизни, о теории борьбы и первых организационных шагах к ее осуществлению. Дальше придется говорить о нашей практике, о том, как мы начали строить эту новую жизнь, когда от оппозиции перешли к власти.

VII.

В Шенкурске нас поразило краткое сообщение местных газет о том, что в Архангельске только что произошел новый переворот — правительство во главе с Чайковским было арестовано, отправлено в Соловецкий монастырь, но через сутки снова возвращено в Архангельск. Подробностей никаких не было и в Шенкурске недоумевали, что это могло означать; впечатление же от этого сообщения было сильное, у всех как-то опустились руки, значительно сбавилось настроение и под'ем, которые были до этого в городе.

Из Шенкурска мои спутники на пароходе отправились в Архангельск, я же их догнал на лошадях у Северной Двины, где впервые встретился с английскими военными властями. После переговоров с последними, нас посадили на пароход, отправлявшийся в Архангельск.

Наконец - то мы у цели нашего путешествия — вдали, в сумерках наступающего вечера, показались колокольни архангельских церквей, лес мачт и труб, стоящих на Двине судов. С нетерпением ждали мы высадки на берег, возможности отдохнуть, поделиться своими новостями из России, узнать положение вещей на Севере; чувствовали себя почти героями, перенесшими трудные тяготы во имя той цели, которая вот через какие-нибудь четверть часа будет уже достигнута; ждали ласкового привета и сочувствия нашим трудам. Пароход проходил около архангельских складов — Бакарицы, расположенной версты на две выше Архангельска, на противоположном ему берегу Двины. Пароход пристал к Бакарице, и нам совершенно неожиданно англичане предлагают на ней высадиться. Мы отказываемся, говоря, что нам нужно быть в Архангельске. Нас не слушают и требуют немедленной высадки. Подчиняемся взволнованные, недоумевающие. Я успеваю переговорить по телефону с Архангельском — с Гук овским, сообщаю ему о нашей принужденной остановке на Бакарице, прошу немедленного распоряжения правительства о нашем беспрепятственном пропуске в Архангельск.

Тем временем нас ведут в какие-то бараки, полные одетых в английскую солдатскую форму россиян, как оказывается, бывших офицеров. Мы

попали в помещение, так называемого, славяно-британского легиона, о роли которого я через несколько дней узнал довольно подробно. Минут через десять нас принудительно, несмотря на наши протесты, разбили по ротам и взводам легиона, зачислив в него на службу, и сообщили, что теперь мы без разрешения начальства легиона не имеем права выезжать в Архангельск. Тщетно протестую, мне предлагают обратиться к командиру легиона; в ожидании его прихода, я знакомлюсь с легионерами. В воздухе слышен стон от политических разговоров, вернее от ругани по адресу правительства Чайковского, по адресу социалистов вообще; выявляется определенное настроение легионеров, построить совместно с англичанами, новую, буржуазную, правую власть, расправиться с социалистами, которых они не различают от большевиков.

Славяно-британский легион составил из реакционного офицерства на Мурмане, которое из Петрограда направляли английскому генералу Пулю доктор Ковалевский и генерал Геруа, черпая это офицерство из гвардейских полков. Появление, после десанта союзников, у власти правительства Чайковского было им не по нутру; чтобы обеспечить себя от воздействия русского правительства и иметь возможность свободно политиканствовать и выявлять свои черносотенные взгляды, они, по инициативе полковников Вульфовича и князя Мурузи, организовали славяно-британский легион, подчиненный английскому командованию, находившийся на английской военной службе, с английским строем, чинами и т. д. Мы оказались в ядре черносотенцев, взятых под свою защиту и на свою службу английским командованием; русскому военному командованию батальон не подчинился. Особенно много резких выпадов было в речах легионеров по адресу Маслова и командующего войсками полковника Дурова и его помощника генерал Самарина; легионеры заявили, что им русское офицерство не подчинится и с ними работать не будет.

Я продолжал требовать предоставления мне возможности немедленно выехать в Архангельск, и, наконец, уже к ночи, мне удалось с полковником В. и капитаном Г., моими спутниками из Вологды, отправиться в Архангельск, остальных же моих товарищей так и не отпустили.

Таково было мое первое вхождение в политическую жизнь Северного Края — через принудительный, из эпохи негритянских наборов, набор, зачисление в славяно-британский легион, — осуществляемый просвещенными англичанами в XX веке, в тесном контакте с русскими реакционерами.

Наконец, я в Архангельске. Разыскал общую квартиру членов правительства — Н. В. Чайковского, Гуковского, Мартюшина, Маслова и Зубова.

Маслова, Дедусенко и Лихача я уже не застал в Архангельске — они утром, дня моего приезда, выехали на пароходе в Печору, а оттуда в Сибирь.

Информировав Н. В. Чайковского о положении в России, о полномочиях, предоставленных ему центральной организацией «Союза Возрождения» — право от ее имени вести переговоры с Антантой, рассказав о начале враждебного отношения в России к союзникам в связи с невыполнением ими обещанного продвижения вперед, передав о привезенных с собой военных материалах, я заслушал, с своей стороны, информацию членов правительства, так называемого, Верховного Управления Северной области.

Положение оказалось не из блестящих. Переворот в Архангельске (свержение Советской власти) произошел при помощи союзного десанта, городского конного дивизиона в Архангельске, под командой шт.-капитана Берга и вооруженными крестьянскими отрядами. Союзнический «десант» состоял из трех-четырёх сот человек в Онеге и Архангельске, т. е. в количестве, которое скорее говорило об авантюре, чем о серьезных намерениях. Главкомандующим союзными войсками был английский генерал Пуль, вокруг которого с'организовались русские реакционные элементы.

Для генерала Пуля явилось полной неожиданностью образование одновременно с переворотом правительства Н. В. Чайковского (т-н-с.) в составе С. С. Маслова (эсер) — военного министра, Я. Т. Дедусенко (эсер), А. А. Иванова (эсер), Лихача (эсер), А. И. Гукковского (эсер), Г. А. Мртюшина (эсер), П. Н. Зубова (к.-д.) и Старцева (к.-д.). Пуль, информированный, очевидно, Томсоном-Чаплиным, ожидал не социалистического министерства, а определенно буржуазно-кадетского. Для него, по его выражению, это правительство было точно «ножом по сердцу». Естественно, что генерал Пуль всячески старался в дальнейшем ставить препону работе правительства, не давал ему заняться формированием воинских частей, был в тесном контакте с правыми группировками. Конный дивизион, во главе с Бергом, фактически совершивший переворот в самом Архангельске, также не ожидал появления у власти Н. В. Чайковского; Берг немедленно после переворота провозгласил себя главнокомандующим и отказался подчиниться правительству Н. В. Чайковского. Правительство же, в лице управляющего военным отделом С. С. Маслова, назначило командующим войсками капитана 2-го ранга Чаплина (Томсона), а комендантом города Архангельска полковника Чарковского — членов организации доктора Ковалевского, а не «Союза Возрождения», хотя для должности коменданта и находился в Архангельске, специально для этого присланный мной, по предварительному уговору с Масловым, Ганджумов. Дипломатический корпус, в лице Нуланса, Линдлея, маркиза де-ля-Торрета, Сполайковича и, главным образом, американского посла Френсиса, поддержал первоначально Чайковского; ген. Пуль (а с ним, очевидно, Нуланс и Линдлей), капитан Берг, стояли за правое правительство; с Пулем же находились в связи Чаплин, Чарковский и к.-д. Старцев, которые явились посредниками между правыми группировками, Пулем — с одной стороны, и «Союзом Возрождения» — с другой, вошли в доверие к последнему, разделили с ними власть, а через месяц, совместно с Пулем, арестовали Чайковского вместе с его правительством.

Берг и его офицеры, — первый устранный от захватного главнокомандования, — с первого же дня заняли открыто враждебную позицию по отношению к правительству Н. В. Чайковского. Эта милая теплая компания офицерства, во главе с Бергом и графом Ребиндером похитила во время переворота ящик с полковыми деньгами, на сумму около миллиона рублей (дело было в 1918 году), кутила на эти деньги в гостиницах и на квартире графа Ребиндера и его сожительницы баронессы Медем, а чтобы обезопасить себя от преследования правительства, часть этих офицеров поступила в славяно-британский и французский легионы, которые и отказались их выдать судебным властям, когда возникло дело о присвоении ими указанных полковых денег. У Берга с генералом Пулем была большая дружба, — я сам читал приказ генерала Пуля, в котором он Берга производил в полковники и предписывал его именовать графом X. (к сожалению, данную ему графскую фамилию не помню).

Здесь все характерно, — и связь английского главнокомандующего с уголовным офицерством и хлестаковщина генерала Пуля, выразившаяся в производстве Берга в полковники и даровании ему графского титула, и всем этим проявленное полное неуважение к серьезности того дела, которому он призван был содействовать и из которого он строил трагикомический фарс с переодеванием.

Во главе русских элементов, группировавшихся вокруг ген. Пуля, стояли: лидер их М. М. Филоненко (бывший эсер, верховный комиссар при Ставке в корниловские дни, к.-д. Старцев (вошедший первоначально в правительство Чайковского, а через несколько дней за-

нявший должность Архангельского губ. комиссара), полковники Вульфович и князь Мурузи, капитан 2-го ранга Чаплин и контр-адмирал Иванов. Через Вульфовича с этой группой был связан политиканствующий славяно-британский легион. Группа эта имела свои корни и в союзной контр-разведке, руководителем которой был английский полковник Горнхилл, а наиболее активным ее членом французский представитель в контр-разведке граф де-Люберсак, известный во Франции роялист; наряду с контр-разведкой действовало «гражданское отделение» главкома генерала Пуль, которое было частью той же контр-разведки; во главе этого отделения находились корнет Половцев и Филоненко, обычно занимавшиеся в помещении союзной контр-разведки; оба они числились на английской службе и субсидировались контр-разведкой. Филоненко с первого же дня своего появления еще на Мурмане, подал генералу Пулю план организации власти на Севере и неуклонно старался проводить этот план в жизнь, всячески втягивая союзников в наши внутренние дела для борьбы с социалистическими элементами.

Такова была стая славных союзных и русских орлов, мечтавших о власти, когда совершенно неожиданно, в силу дипломатических капризов миссий, у власти оказались не они, а левое, эсеровское в большинстве своем, правительство Н. В. Чайковского. Нет ничего удивительного, что эта публика руками Старцева и Чаплина, с благословения генерала Пуля, Филоненко, Нуланса и Линдлея арестовала, через месяц после переворота, правительство и отправила его в Соловецкий монастырь, а к.-д. Старцев объявил себя главноначальствующим по гражданской части, плехановца Постникова своим помощником, а Чаплин себя главнокомандующим. Арестовать удалось не всех членов Верховного Управления — А. А. Иванову и Дедусенко удалось скрыться и быстро организовать отпор черной своре, — ими было выпущено воззвание о том, что переворот и арест правительства совершен для Михаила Романова, который, якобы, скрывается в Архангельске; рабочие объявили всеобщую забастовку, отряды крестьян пошли к Архангельску на выручку Н. В. Чайковского и, наконец, не осведомленный заранее о перевороте американский посол Френсис, потребовал немедленного возвращения правительства из Соловков в Архангельск, что генерал Пуль и вынужден был исполнить.

Возвратившись, Верховное Управление пришло к заключению, что в Архангельске фактически осуществлена оккупация англичанами, что правительство здесь делать нечего; к этому же времени относится назначение союзниками французского военного агента полковника Донопа военным губернатором Архангельска; уволить Донопа союзники соглашались только при одном условии — если Верховное Управление назначит генерал-губернатора из военных, для удобства сношения с английским главнокомандованием. Правительство решило не только назначить генерал-губернатора, но и предоставить ему всю власть на Севере, а самому распустить себя. Воспользовавшись слухом об образовании в Самаре Комуча, Верховное Управление в воззвании к населению сообщило, что в виду образования в Самаре Всероссийской власти, оно себя распускает, передает всю полноту власти только что им назначенному, генерал-губернатору Северной области генерального штаба полковнику Дурову; помощниками его были назначены: по военной части — генерал Самарин (известный по делу генерала Крымова), а по гражданской — определенный герносотенец, бывший товарищ прокурора петроградской судебной палаты де-Боккар, свой человек у графа де-Люберсак и Ко. И Дурова, и Самарина, и де-Боккара члены Верховного Управления знали меньше месяца, и это не помешало им верить этим лицам верховную власть в крае. Назначив, таким образом, диктатора в лице полковника Дурова, эсеровское правительство решило, что оно сделало все, что было нужно, ушло от

власти и Маслов, Дедусенко и Лихач в день моего прихода уже выехали на отдых в Сибирь.

Ознакомившись с положением вещей, я, как член «Союза Возрождения», решительно запротестовал против установления в области единоличной диктатуры, и потребовал совещания бывших членов Верховного Управления. Совещание это состоялось в составе Н. В. Чайковского, А. И. Гуковского, Г. А. Мартюшина, А. А. Иванова и П. Ю. Зубова. На совещании я им предложил вопрос, от имени кого они образовали власть в Архангельске, и получил ответ — от имени «Союза Возрождения», — внеся лишь один корректив в структуру правительства — все члены его, по их мысли, должны были носить на себе печать всеобщего избирательного права — быть или членами Учредительного Собрания, или гласными земства или города (все члены Верховного Управления были членами Учредительного Собрания, за исключением П. Ю. Зубова — товарища городского головы в Вологде). Тогда я указал им, что «Союз Возрождения» организовался на определенной политической платформе, исключавшей диктатуру, вследствие чего они не имели права устанавливать диктатуры в лице генерал-губернатора, и должны пересмотреть этот вопрос. Хотя Гуковский и возразил мне, что о праве их здесь не может подниматься вопрос, так как Верховное Управление суверенно в своих действиях и не связано директивами «Союза Возрождения», но, тем не менее, оставшиеся члены Верховного Управления решили у власти остаться и генерал-губернатора включить в состав правительства, поручив ему заведывание военными, внутренними делами, путями сообщения, почтой и телеграфом (должность управляющего внутренними делами, в виду этой комбинации, была упразднена).

На следующий день состоялось совместное совещание Верховного Управления с полк. Дуровым, ген. Самариным и де-Боккаром. Все трое не выразили особенного удовольствия от перспективы работать совместно с правительством и под его руководством; Дуров решительно отстаивал свои правомочия. У всех нас осталось от этого совещания одно ощущение — нужно ждать нового ареста правительства. Для предупреждения этой возможности А. И. Гуковский предложил назначить меня архангельским губернским комиссаром, дабы у меня находились в непосредственном ведении милиция военная и гражданская, с помощью которой я смог бы предотвратить попытку нового переворота; я согласился, и в эту же ночь получил назначение губернским комиссаром.

На другой день Верховное Управление решило вновь уйти в отставку, передав верховную власть Н. В. Чайковскому и А. И. Гуковскому для организации нового состава правительства, со включением в его состав большого представительства торгово-промышленных бужуазных слоев населения. Усиленно настаивали на этом все послы, включая и Френсиса. Чайковский смог вдвоем поработать с Гуковским только несколько часов, так как последний был, действительно, невероятно придирчив к мелочам и был большой буквоед. Гуковский тоже ушел в отставку, поручив одному Н. В. Чайковскому строить новую власть, но верховные функции были завещаны персонально Чайковскому, как будущему представителю нового правительства. В самую сложную и тяжелую минуту, когда нужно было дать твердый отпор домогательствам союзников, эсеры, члены Верховного Управления, сочли за благо удалиться от дел, взвалив всю формальную ответственность за дальнейшие шаги на одного Н. В. Чайковского. Можно не согласиться с его дальнейшими шагами, критиковать его, даже ругать — это дело взглядов, но, во всяком случае, можно одно сказать — старик один не бежал с поля сражения, не предал в руки иностранцев и военщины массы, над которыми бы иначе пронесся жесточайший шквал террора и репрессий. Эсеры позорно бежали, не дав боя.

В эти же дни меня пригласили в союзную контр-разведку для выполнения формальности — дать свои показания, как вновь прибывшего с той стороны фронта. В своих показаниях там, я красной нитью провел мысль о поднимающемся возмущении союзниками за невыполнение ими своих обязательств со стороны тех, кто до сих пор шел в Россию с ними и кто теперь уже склонялся в сторону Германии.

Кажется, в тот же вечер меня просил сделать доклад о положении в России некий беспартийный клуб; прибыв туда, я застал довольно значительную группу военных, во главе с контр-адмиралом Ивановым, председательствовавшим на этом собрании; тут же я впервые лично встретился и познакомился с М. М. Филоненко. После моей информации взял слово Филоненко и, со своей стороны, информировал меня о положении в Северной области, причем, особенно сильно досталось Чайковскому, Маслову, Лихачу и полковнику Дурову. Как потом я узнал, клуб этот был клубом Национального Союза в Архангельске, о котором речь будет идти дальше.

VIII.

Н. В. Чайковского чуть-ли не ежечасно торопили в миссиях с составлением нового кабинета. После переговоров с торгово-промышленными кругами, он, наконец, составил его в следующем составе: Н. В. Чайковский — председатель, иностранные дела и земледелие; П. Ю. Зубов (к.-д.) — народное просвещение и секретарство, полковник Дуров (беспартийный) — генерал-губернатор, внутренние и военные дела, пути сообщения, почта и телеграф; С. Н. Городецкий (к.-д.) — юстиция, князь И. А. Куракин (беспартийный) — финансы и Н. В. Мефодиев (к.-д.) — торговля и промышленность и вопросы труда (но без организации специального отдела труда). Не легко далось Чайковскому это формирование, много бессонных ночей провел он до этого... Городецкий и Мефодиев были ставленниками торгово-промышленного класса. Я же вступил в должность архангельского губернского комиссара.

Прежде чем говорить о правительственной деятельности, я хочу остановиться на характеристике существовавших в Архангельске общественных организаций и группировок и на их работе.

Идейным руководителем правых, несоциалистических, группировок, являлся, так называемый, «Национальный Союз». Лидером его был М. М. Филоненко, а наиболее влиятельными членами к.-д. С. Н. Городецкий, к.-д. Старцев, Е. П. Семенов, плехановец Постников, корнет Половцев, полковники — князь Мурузи и Вульфович, контр-адмирал Иванов. Тайными вдохновителями его были — генерал Пуль, Нуланс, Линдлей, полковник Торнхилл и граф де-Люберсак. Но нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и всем было хорошо известно, что Филоненко и Половцев служат в контр-разведке союзников, что Филоненко сверх того субсидируется Нулансом, и что газета «Отечество», издаваемая при ближайшем участии Филоненко и Е. П. Семенова — бывшего редактора «Вечернего Времени» в Петрограде субсидируется союзной контр-разведкой, а сотрудники ее и редакция получают союзные пайки.

За этой группой «Национального Союза» шел славяно-британский легион, о котором я уже упоминал и все воинствующее правое офицерство.

Группу же «Национального Союза» поддерживали и биржевой комитет и торгово-промышленный союз; последний в особенности любил попутничать во главе со своим председателем Перешневым. Местные к.-д. — Старцев, Городецкий, Мефодиев, Берсенев, целиком примыкали к «Национальному Союзу». Я называю их кадетами, только потому, что они сами себя так именовали, да сверх того Старцев и Мефодиев были членами Государственной Думы и состояли во фракции к.-д.; по существу же это была публика без всяких общественных традиций,

безо всякой даже чисто условной демократической идеологии старых цензовых, земских и городских деятелей. Это были попросту обыватели, испугавшиеся русской революции, для которых царизм мерещился раем по сравнению с перспективой основных социальных реформ; видную роль среди них играли и «мартовские кадеты» вроде Городецкого, председателя местного окружного суда.

Социалистические партии—с-д. меньшевики, с-ры, т-н-сы, работали в Архангельске слабо. Наибольшей по своему удельному весу была партия с-ров, в руках которой было земство. Лидером местных с-ров являлся А. А. Иванов, член Учредительного Собрания, молодой, довольной энергичный, но умудрявшийся все время как-то сидеть между двух стульев; он же состоял фактическим редактором газеты «Возрождение Севера», органа социалистической мысли, обслуживающей социалистов народников и марксистов.

Крайний левый фланг составлял Совет Профессиональных Союзов, первоначально во главе с Наволочным, а затем с Бечиным; состав Совета оставался до марта 1919 года почти тот же, какой был при большевиках.

К моменту моего прихода в Архангельск борьба между правым флангом и левым кипела вокруг выборов в Архангельскую городскую думу. С обеих сторон действовали блоки, выставившие по списку. Правый блок объединил к-д, домовладельцев, торгово-промышленный класс, местное духовенство, которое во главе с настоятелем собора Лелюхиным изрядно политиканствовало; во главе правого списка стоял Филоненко. Слева блокировались социалисты-меньшевики, с-ры и совет профессиональных союзов (говорить здесь о большевиках не приходится, так как конечно не только легально, но и нелегально им работать было весьма трудно, с ними велась борьба); во главе второго списка стоял А. А. Иванов. Борьба кончилась победой социалистического блока, но победой не крупной—большинством в думе пяти-шести голосов.

«Национальный Союз» проявлял себя организацией клубных заседаний, а также докладами на военные темы, для военных; была ясна тенденция его привлечь к себе возможно большее количество офицерства. Орган его, газета «Отечество» вела довольно правильную осаду левой части Правительства, к которой она причисляла и к-д П. Ю. Зубова, в этот период своей деятельности оставшегося верным началам «Союза Возрождения».

Меньшевики ничем себя не проявляли. С-ры имели связи с крестьянством, пользовались влиянием на партизан-крестьян, старались проводить своих кандидатов в волостные земские управы. Совет профессиональных союзов политическую борьбу вел подпольно, а открыто неустанно выступал с требованиями организации самостоятельного, независимого от отдела торговли и промышленности, отдела труда, выполнения предпринимателями коллективного договора, который всячески старались обойти предприятия.

Крестьяне строили земскую работу, а наиболее активные из них составляли ряды партизанских отрядов, бывших опорой некоторых серьезных участков фронта. Руководило партизанами демократическое офицерство, бывшее в загоне у штаба, главным образом, жители Шенкурского уезда.

Не найдя организованной левой общественности, я решил объединить ее в «Союз Возрождения». Собрал совещание сочувствующих, сделав предварительно доклад о «Союзе Возрождения» в зале гор. думы. Совещание окончилось образованием «Северного Областного Отдела Союза Возрождения», в исполнительный орган которого вошли,—я, как председатель его, П. Ю. Зубов (к-д) и И. В. Багиновский (бесп.), как товарищи председателя и членами А. А. Иванов (с-р), Мацкевич (с-р), Новиков (т-н-с), Капустин (т-н-с), Дацкевич (с-р), М. М. Федоров (с-р), Старокадомский (с-д. меньшевик), Май-

мистов (с-д), Порецкая (группа «Единство»), Кубачин (бесп. кооператор). Почетным председателем был Н. В. Чайковский.

Вскоре «Союз Возрождения» открыл свои отделения по уездам. Работа «Союза Возрождения» протекала в организации публичных докладов, заседаний, из которых следует отметить два (о них более подробно речь будет дальше). По случаю перемирия с Германией и по случаю образования юго-славянского государства.

Мероприятия, которые «Союз Возрождения» считал необходимым провести, подробно в нем обсуждались, а затем давались соответствующие директивы Н. П. Чайковскому и П. Ю. Зубову для проведения их в правительстве. Согласно решению «Союза Возрождения», я вошел в состав правительства в декабре 1918 г., и впредь до своего выхода в отставку обо всех предполагаемых мною мерах я предварительно сообщал в «Союз Возрождения» и после одобрения эти меры проводил. Союз был организацией, которая должна была дать политическую линию правительственной политики и создать опору для левой части правительства. Впоследствии «Союз Возрождения» значительно отошел от тех кругов, выразителем которых он должен был быть. Основной причиной этого была близкая его связь с членами правительства и ошибки последнего также обращались и на союз и отсутствие твердости в проведении намеченной линии поведения; в частности с-ры хотя и принимали участие в решениях «Союза Возрождения» но в то же время играли в оппозицию к его представителям в правительстве. Так например, когда союзом мне было предложено назначать по ведомству внутренних дел социалистические элементы, и я предоставил в этом вопросе союзу полную свободу—давать мне деловых кандидатов с обещанием их немедленного назначения, то мне назвали всего двух кандидатов—Сосунова, которого я взял к себе помощником губернского комиссара и рабочего Серикова, которому я дал назначение в Холмогорский уезд; других кандидатов у с-ров не нашлось. Здесь сказалась старая закваска не то воевать, не то не воевать; критику наводить мы будем, в частных организациях вас поддерживать будем, но идти на реальную правительственную работу в этой же области—лучше уклониться, оглядеться, отсидеться.

Такая же картина получилась, когда я вздумал при отделе внутренних дел организовать агитационный под'отдел. А. А. Иванов мне заявил, что отдел необходимо предоставить в ведение социалистического лагеря (это было уже в 1919 г.), я ответил согласием и предложил ему и тем, кого он найдет нужным, привлечь к этой работе, полную свободу в организации этого под'отдела. Однако после нескольких дней колебаний, он отказался от этого; я вынужден был пригласить в качестве спеца человека правых устремлений Семенова, и частным образом Иванов и ряд других его единомышленников в под'отдел ходили и вели работу. Нечего и говорить, как пагубно для нас отразилась эта боязнь открытых действий. В данном случае с-ры равнялись по меньшевикам, меньшевики по совету Проф. Союзов, но только равнялись — не больше, так как фактически только болтали, да работали в земстве, притом, работали слабо.

Военизна продолжала политиканствовать, заявляя, что она с полков. Дуровым работать не будет; мотивом для этого служило получение Дуровым визы в Лондоне у Литвинова, в то время как русское офицерство в Лондоне приняло решение такой визы не делать; кроме того Дуров оказался действительно колеблющимся в вопросах, которые требовали энергичного, быстрого действия. Так при первых беспорядках в Архангельском стрелковом полку он не предпринял нужных мер к прекращению беспорядков. Это подорвало его кредит и в более демократических слоях офицерства. Самарина правое офицерство за генерала не признавало, так как производсто он получил не при царе, а при Керенском. Будировал офицерство Филоненко. Я решил повидаться с наиболее видными из руководителей офицерства и выяснить, что у них своего в этом походе против правительства и Дуро-

ва и что от «лукаваго», т. е. от Филоненки и К-о, играющих порывистым офицерством в своих личных политических видах. По моей просьбе (я тогда был губ. комиссаром) ко мне зашли полковник Вульфвич, капитаны 1-го ганга Медведев и Шевелев; из беседы с ними я вынес впечатление, что они далеко не совсем солидарны с Национальным Союзом и, при некотором воздействии со стороны Чайковского, а также при условии создания при Дурове военного совета из старших военных чинов, смогут начать работу по организации армии без дальнейшего политиканства. Я предложил им сойтись для разговора с Чайковским; они согласились, Чайковский также. Филоненко, не приглашенный мною на совещание мое с этими тремя офицерами, буквально ворвался ко мне в кабинет, для того, чтобы помешать соглашению. Однако свидание этих лиц с Чайковским состоялось, последний сделал им внушение и в значительной мере устранил возможность в дальнейшем каких-либо эксцессов со стороны военной группировки.

Вскоре после выборов в городскую думу, ко мне явился Филоненко для политической беседы, в которой он указал на необходимость считаться с ним, как с лидером правого крыла городской думы и что пора Н. В. Чайковскому — вместо второстепенных персонажей (Медведева, Городецкого) пригласить в состав кабинета его, лидера этих группировок — и просил меня устроить ему свидание с Н. В. Я отказался, а когда в частной беседе сообщил об этом Чайковскому, он также отклонил просьбу Филоненко о свидании. Я невольно останавливаюсь больше, чем хотел бы на фигуре Филоненко, но он у нас на севере был лидером правых группировок, опорой и надеждой Нуланса и генерала Пуля и союзной контр-разведки, и поэтому не упомянуть о нем нельзя. Это совершенно безпринципный человек, но несомненно талантливый, энергичный. Он не брезговал никакими средствами для достижения карьерных своих целей; видя, что союзники поддерживают правых, он быстро из с-р, стал не то правым кадетом, не то октябристом; видя злобствующее против большевиков бывшее гвардейское офицерство, он, в целях поднятия своего престижа среди них, распространил версию о своем совместно с Корниловым выступлении, об участии своем в убийстве Урицкого совместно со своим родственником Л. А. Кенегиссером. Я не знаю, чему здесь больше было — истины или бахвальства.

Месяца через два Филоненко, поняв тщету своих стремлений бойти в правительство или по крайней мере попасть в Архангельские городские головы, собравшись в один день, исчез из Архангельска, увезя с собой, во всяком случае, нечто реальное в виде отпущенных французских субсидий.

После его отъезда, деятельность «Национального Союза» основательно замерла, выявившись только в травле левого крыла правительства через газету «Русский Север».

Вскоре я задумал создать более широкую об'единенную общественную группировку для проведения в жизнь конкретной задачи — поддержания крестьян-партизан; взять их содержание на общественный счет. Этим я думал вовлечь все общественные круги в активную борьбу с большевиками и снабдить всем необходимым партизан, которые устали в борьбе, были плохо одеты, так как союзное командование систематически отказывало нам в отпуске для партизан обмундирования и пайка. Я, как губ. комиссар, пригласил к себе на совещание представителей совета профессиональных союзов, с.-д. меньшевиков, с.-еров т-н-с, к-детов, союза возрождения, национального союза, губ. земства, городской думы, северного союза кооперативов, торгово-промышленного союза, биржевого комитета и редакций всех газет и предложил им создать об'единяющий их всех орган для конкретной цели — поддержки крестьян-партизан. Первоначально пошли разговоры о невозможности вести работу совместно тем или иным лицам, но в конце концов совещание со мной согласилось и постановило образовать из пред-

ставителей указанных группировок объединенный комитет общественных организаций, председателем которого тут же, по моему предложению, был избран представитель союза возрождения И. В. Багриновский. Комитет сконструировался, начал работу. Я проектировал, в случае успешного хода его работы создать из него нечто вроде предпарламента—сам выступал на его заседаниях, информируя с внутренней политике, выступал там Н. В. Чайковский, генерал Марушевский, но из этого моего начинания ничего не вышло. Правда, объединенный комитет остался существовать, еще и после моего отъезда, но фактически он мало сделал—собрал очень незначительную сумму для партизан; отдельные группы, входившие в его состав, постепенно стали переставать посещать его—все реже появлялись на его заседаниях представители совета проф. союзов, меньшевики, эсеры, принимая в последовательном порядке решения не участвовать в объединенном комитете, и всецело предоставляли его в руки правых группировок, хотя, повторяю, задача у комитета была только одна—помощь крестьянам-партизанам.

В вопросе о помощи партизанам ярко сказалась помощь в борьбе против большевиков, в частности, двух организаций—биржевого комитета и союза кооперативов; как к наиболее денежным организациям, я уже, как управляющий внутренними делами области, обратился к каждой из них в отдельности с просьбой организовать свои собрания для заслушивания моего сообщения. Перед обоими организациями я поставил вопрос весьма конкретно—«Вы обязаны дать денег на помощь крестьянам партизанам, так как во имя многих из ваших интересов идет сейчас борьба с большевиками, решайте же, сколько вы можете дать на это дело». Биржевой комитет обещал произвести сбор между своими членами, и, кажется, собрал около двухсот тысяч рублей, а союз кооперативов, после моего отъезда с его собрания, долго дебатировал вопрос, открыто выступить в интересах партизан отказался, ссылаясь на свою «аполитичность», но денежные сборы все же решил организовать. Особенно рьяно там выступал против помощи партизанам, один из их организаторов Капустин, который за эту речь был исключен из членов союза возрождения.

Еще раз мне пришлось столкнуться с нашими Миниными XX века в Архангельске по вопросу об устройстве русских кантин для солдат на фронте, взамен закрываемых английских. Кантины—это маленькие солдатские лавочки на фронте, которые за гроши продавали солдатам папиросы, табак, сласти, всякую мелочь. Англичане закрывали свои (в предвидении эвакуации области) и предлагали русским военным властям за валютный миллионный фонд необходимые для кантин товары. У правительства денег было мало. Тогда я решил возложить на банки и крупных торговцев повинность собрать этот миллион; переговорил с главнокомандующим генералом Миллером, согласившимся со мной. Я созвал представителей банков и торгово-промышленного союза, пригласил на это совещание и генерала Миллера. На мое предложение разверстать этот миллион, пошли разговоры, что принудительно разверстывать—это недопустимый большевистский прием, этого они сделать не могут, нужно добровольное соглашение на внесение денег, но что денег, ни у банков, ни у союза сейчас нет, и едва ли возможно будет собрать этот миллион. Даже ген. Миллер сильно одернул этих господ, сказавши им, что ему стыдно за их отношение к армии, к солдатам. После вторичного заседания началась очень слабая подписка на кантинный фонд.

Таковы картинки активной помощи общественных капиталистических группировок в борьбе с большевиками на Севере.

Общественное мнение в эту эпоху выражала и городская дума, где первоначально городским головой был Гуковский, но затем его ушли и выбрали в головы Багриновского. Дума все время делилась на два

лагеря, целого ничего из себя не представляла. В работе ее требовалась правительственная субсидия; плох был ее продовольственный отдел, над деятельностью которого я назначил правительственную ревизию.

Губернское земское собрание было создано, кажется, в марте—апреле 1919 г.; большинство прошло с-ров; Онежское земство просило меня выставить свою кандидатуру в губ. гласные, я согласился и был избран в губ. земское собрание, что в то время, начавшейся моей борьбы с Миллером и Зубовым, для меня было крайне важно, как наглядный факт общественной поддержки моей политической линии поведения.

Губ. Земское собрание носило деловой характер, хотя и чувствовалась оппозиция правительству. Председателем собрания был А. А. Иванов а председателем губ. зем. управы был выбран с.-р. Скоморохов.

Рабочий класс и совет проф. союзов все больше отходил от меня и от правительства, хотя беседы я с ними имел часто. Нерешительность правительства в проведении отдела труда особенно оттолкнула от него рабочих.

Совет проф. союзов просил у меня разрешения на устройство в годовщину Февральской революции митинга; я разрешил, и на этом митинге Бечин и ряд других ораторов определенно призывали рабочих встать на сторону Советской власти. Те же призывы и теми же ораторами были произведены и на заседании, по случаю дня революции, городской думы. Был произведен обыск в совете проф. союзов, найдены спрятанные винтовки; по городу раскинуты были прокламации большевиков; и на совет посыпались репрессии, за следствие по этому делу взялась военная власть.

Таковы вкратце были те общественные организованные силы, с которыми пришлось иметь дело в Архангельске во время борьбы с большевиками. Что же касается отдельных граждан, то красною нитью проходило нежелание имущих классов подчиняться каким бы то ни было ограничениям, нести какие бы то ни было жертвы во имя предпринятой борьбы—если бы взять мои постановления за нарушение обязательных постановлений по квартирному вопросу (уплотнению), по увертыванию несения службы в охранной дружине и т. п., то составил бы солидный проскрипционный список готовых отдать все «животы» свои для блага родины, как они тогда его понимали.

Правые общественные группировки, почуввав силу в союзниках, в политиканствующем правом офицерстве, решили, что их дело и так уже сделано, что им ничем жертвовать в борьбе против большевиков не придется—союзники и военщина обеспечили им существование их социального господства, и что крестьяне и рабочие подставят свои головы и спины за них в борьбе—отсюда преждевременное открытие своих карт правыми кругами, обнаглевшими от безопасности в союзническом бесте, отсюда цинический отказ от минимальных даже имущественных жертв на то дело, о великом значении которого они и их газеты трубили на весь мир. А левые общественные группировки при первом же столкновении с союзниками сдали свои позиции, а в дальнейшей борьбе с правыми течениями также без боя отступили, имея полную возможность или захватить в свои руки влияние на власть или, раз они решили отойти от борьбы с большевиками, протянуть им руку. Но ни того, ни другого, господствующая по своему влиянию в то время в массах партия с-ров на Севере не сделала, а предпочитала глядеть сложа руки, как переваривала в своем желудке буржуазия демократических и социалистических работников. Взялась же за дело, за борьбу тогда, когда она уже не имела смысла, когда вся власть была уже в руках генерала Миллера и его штаба.

IX.

Хотя, я до декабря месяца 1918 года в состав правительства северной области не входил, но как губ. правит. комиссар и как председатель областного комитета союза возрождения, близко был знаком с деятельностью правительства. Вскоре полковника Дурова на посту генерал-губернатора и командующего войсками сменил генерал В. В. Марушевский, бывший во времена Керенского начальником генерального штаба. Живой, подвижной, энергичный, он производил впечатление человека в значительной мере понимавшего дух революции, сменивший самодержавную идеологию—иное было его отношение к солдату, к общественности, что не мешало ему впоследствии довольно близко подойти к правым кругам Архангельска, но не настолько, насколько его преемник генерал Миллер, типичный, лойяльнейший, способный, придворный генерал.

Основным вопросом правительственной деятельности был конечно военный вопрос, организация фронта, не оборонительная, а наступательная борьба против большевиков, потому, что вне разрешения этого вопроса становилось излишним само существование правительства.

Для ведения борьбы нужна была живая сила, военное снаряжение, обмундирование, продовольствие. Большого контингента сил Северная область дать не могла, но, исходя из сил, стоящего против нас большевистского фронта тысяч в семь-восемь, мы могли выставить больше, чем нужно было для продвижения до Вологды—тысяч пятнадцать для начала; большинство было бы из старых солдат, обученных, кадр-инструкторов был в лице старого офицерства. Снаряжение, обмундирование, продовольствие обязались немедленно же дать союзники. Основываясь на этих данных, правительство еще первого состава, объявило мобилизацию. Но правые Архангельские круги испугались, что у правительства окажется реальная сила, при которой посещение правыми союзнической передней, все же не спасет от падения их влияния, решили воспрепятствовать проведению мобилизации, убедив генерала Пуля, что формировать мобилизуемых без кадра офицерства (тогда, как его было вполне достаточное количество) опасно; правые жидили нового переворота, Пуль пошел им навстречу и отказал в выдаче обмундирования, снаряжения и продовольствия для мобилизуемых. Сразу был потушен пламень, необходимый в гражданской войне—порыв, вдохновение, инициатива, быстрота. В дальнейшем, как генерал Пуль, так и его преемник, генерал Айронсайд решительно отказывались выдать в распоряжение русского штаба все потребные для организации русских воинских частей снаряжение, выдавая на каждую роту отдельно, по мере формирования, для чего требовалось особое на каждый раз ходатайство. Получение и этих крох сопровождалось подчас недопустимым оскорблением наших военных чинов со стороны чинов английского командования, державшего себя крайне нагло, точно среди туземцев завоеванной колонии. Нужно заметить, что дело было в разгар наиболее решительной схватки с Германией, когда наш северный фронт представлял для англичан, по сравнению с германским фронтом, увеселительную прогулку, на которую в первую очередь, конечно, попали имевшие протекцию, желавшие уйти от настоящего фронта—только этим подбором английского командования и можно объяснить ту беззастенчивую линию поведения их по отношению к нашим офицерам и солдатам. Последним первоначально выдавали не тот паек, который получали английские солдаты, а паек туземных цветных войск. На каждом участке фронта сидели английские командующие, ничего не понимающие ни в окружающей обстановке, ни в смысле и формах российской гражданской войны. Концентрировать русские целые части на отдельных участках фронтов не допускали, немедленно распыляя части, вливая их между английскими частями. Помню, с какой горечью докладывал нам генерал Марушевский, когда с большим трудом сформированную пер-

бую нашу бригаду, отправленную на фронт, англичане немедленно же разбили по батареям, между своими частями. Единственно разумным способом борьбы англичане считали позиционную борьбу, на манер западного фронта.

Видя безнадежность продвижения вперед при помощи союзников, я неоднократно ставил перед нашим командованием и правительством вопрос о необходимости избрать нам свои, хотя бы и второстепенные участки фронта, где сосредоточить только русские силы и с ними двинуться вперед; предлагал также всерьез и вплотную на эту тему побеседовать с послами, угрожая открытием фронта — мои предложения были осуществлены (в первой их части) только в конце 1919 г., а до того времени наше военное командование ни в лице генерала Марушевского, ни в лице ген. Миллера, не находило в себе твердости поставить вопрос ребром. И мы топтались на месте, побирались понемножку снаряжением, в ожидании продвижения сибирского фронта.

Внутренняя сторона жизни солдата также оставляла желать многого — точно не было революции, совершенно не было обращено внимания на политическое воспитание солдата. Большинство офицеров не знало солдат, не хотело отказаться от своих кастовых привилегий. В декабре были восстановлены погоны. В марте или апреле солдатам и офицерам было запрещено состоять в политических партиях — убивался гражданский дух у армии во время обостренной гражданской войны. Отнимался лозунг этой борьбы. Социалистическая газета «Возрождение Севера» не доходила до фронта, о чем не раз мне приходилось говорить с Марушевским и Миллером. С января началось назначение реакционных командующих отдельными частями и участками фронта — получили ответственные назначения Чаплин, князь Мурузи, Вульфович, Чарковский. Перед масляницей появилась первая ласточка — выделение офицерской аристократии: под флагом клуба «Георгиевских кавалеров» был организован клуб штабного офицерства, выделившийся из клуба общего, рядового офицерства. Вскоре ген. Миллер внес предложение о судах чести офицеров; по его проекту суду чести предоставлялось право удалять своих сочленов за большевистское направление. Тщетно я указывал на недопустимость для офицерского суда чести заниматься разрешением вопроса о политической благонадежности, предупреждал, что большевистское направление есть только преддверие к исключению из офицерской среды за социалистическое направление вообще. Тут было у меня одно из первых серьезных расхождений с Зубовым, оставшимся после отъезда Чайковского за границу, его заместителем.

При таких условиях немудрено, что у нас вспыхивали бунты в частях — в Архангельске в стрелковом полку, на Обозерском, на Онежском фронте, где открыт был фронт, и большевиками была занята Онега.

По отношению к правительству офицерством велась активная агитация за его свержение и за установление диктатуры Миллера. Союзное командование их поддерживало. Ниглость их дошла до того, что когда на Обозерскую по делам службы прибыл мой помощник по должности начальника губернии — Сосунов, то его около суток продержали там военные власти под арестом, якобы до выяснения личности. Офицерство сильно пьянствовало в тылу. Особенно безобразничали офицеры так называемых контрольных пунктов — отделений на местах контр-разведки, пьянствовали, арестовывали крестьян, избивали, истязали, издевались над арестованными социалистами (был среди них такой башибузук шт.-к. — Орлов, к сожалению другие фамилии я забыл). Несмотря на протесты мои и местных властей, этих господ не убирали: Орлова по моему настоянию опубликованным приказом уволили из Холмогор, но при проезде через город я узнал, что он все-таки там и по-прежнему безобразничает. На фронтах командование также отличалось — так на Пинежском фронте полковник

Делаكتورский впоследствии расстрелянный восставшими солдатами, живьем бросал в прорубь «пленных».

Таким образом, в основном—военном деле было нечто безпросветное, отсутствовали учет революционного времени и определенность и активность у русского командования.

Внутренней политикой почти полностью первое время, после моего вступления в правительство, руководил я.

С отъездом Н. В. Чайковского, в правительстве произошли перемены. Отъезд Н. В. за границу, на мирную конференцию, мы считали совершенно необходимым, так как не Советскую, а «возрождающуюся» Россию там в это время представляли Львов, Сазонов и Маклаков, и мы считали нужным присутствие в Париже в числе делегатов от России социалиста в лице Чайковского. Перед отъездом Чайковский сначала предложил мне быть его заместителем в правительстве—я отказался, тогда заместителем председателя правительства был назначен П. Ю. Зубов, пошедший на это место при условии, если я войду в правительство и обещающий все серьезные вопросы предварительно обсуждать совместно со мной. На предложение Н. В. Чайковского войти в правительство я ответил согласием при условии, если будет упразднена должность генерал-губернатора Северной области, а я буду назначен управляющим вновь восстанавливаемым отделом внутренних дел области, так как я не хотел идти к власти, не имея хоть сколько-нибудь развязанных рук для руководства внутренней политикой, я рассчитывал дать в этой области бой правым группам. «Союз Возрождения» одобрил мое предложение. Но Чайковский назначил меня членом правительства и управляющим внутренними делами, но должности генерал-губернатора не упразднил; в результате получилось двойное ведение внутренними делами—мое и генерал-губернатора Миллера (он же главнокомандующий); последовал немедленный протест со стороны генералов Марушевского и Миллера, так как последний оказался подчиненным мне. Тогда для соблюдения равновесия между гражданской и военной властью, за мной была оставлена и должность начальника Архангельской губернии; по этой должности я был подчинен ген.-губернатору Миллеру, а он мне был подчинен как управляющему внутренними делами. Компромисс, который в качестве примера образцового равновесия приводил Н. В. Чайковский президенту Вильсону в Париже, оказался сносным до той поры, пока Колчак не назначил (в апреле) Миллера от себя главнокомандующим войсками на Севере, пока Зубов не пошел за Миллером—тогда подчинение мне Миллера, конечно стало фикцией.

После отъезда Н. В. Чайковского за границу, сохранившего за собой председательство в правительстве, состав его был следующий: заместитель председателя и земледелия—П. Ю. Зубов (к.-д.), генерал-губернатор, военные и иностранные дела, пути сообщения, почта и телеграф—ген. Миллер (бесп.), командующий войсками ген. Марушевский (бесп.), внутренние дела и нач. губернии—я (тр.-н.-с.), нар. просвещения—М. М. Федоров (с.-р.), юстиции—С. Н. Городецкий (к.-д.), финансов—князь И. А. Куракин (бесп.), торговля и промышленность—Н. В. Мефодиев (к.-д.).

Управляющим делами правительства был К. Г. Майистов,—быстро проделавший эволюцию от с.-д. интернационалиста до апологета диктатуры генерала Миллера и от общественного работника до положения мелкого интригана-политикана. Генерал Миллер приехал, будучи вызван из Рима Н. В. Чайковским. В царское время он был помощником командующего войсками московского военного округа; революция прокатилась мимо него, лишь краешком задев его на фронте, где он был командиром корпуса, вскоре после революции он был уже в Риме военным агентом. Человек честный, не глупый, но абсолютно не администратор, реакционер чи-

стой марки. Первый его вопрос ко мне при нашей первой деловой беседе была просьба, чтобы я разъяснил ему, что такое земство. После отъезда Чайковского мы договорились, что и земские и городские дела его касаться не будут, всецело отходят в мое ведение; вырвать у него из рук русскую контр-разведку мне не удалось, так как она была учреждением военным.

Работа моя по внутреннему управлению сводилась к наблюдению за работой земства и городских самоуправлений, приходилось их держать на правительственной субсидии, так как своих средств не хватало; к организации власти на местах—милицию, в виду ее основательной дезорганизованности я милитаризовал, распространив на нее воинский дисциплинарный устав и дав начальнику губернии в отношении ее права начальника дивизии. Такую же меру пришлось принять и в отношении тюремного ведомства. Тюремный вопрос в Архангельске обстоял плохо,—тюрьма была одна, переполнена, главным образом, за счет присылок арестованных с фронтов командующими участками фронта и союзными контрольными пунктами, а также за счет безобразной медленности в работах следственной комиссии при отделе юстиции. Лично мною производились аресты по преимуществу за нарушения обязательных постановлений; я не ошибусь, если скажу, что вне этого рода дел мною было произведено за год не более 20-ти арестов. Иногда приходилось предупреждать отдельных лиц о предстоящем их аресте ретивой союзной контр-разведкой или нашей юстицией; лиц, никакого отношения к большевикам не имеющих (особенно много было таких случаев с железнодорожниками, где сильнее чувствовался генерал-губернаторский режим).

В тюрьмах развился тиф, довольно быстро ликвидированный; гораздо сложнее была борьба с цынгой—для цынготных мною было устроено специальное, светлое, высокое помещение на Кег-острове, на противоположном берегу Двины, а также разбиты палатки, где на солнце и при хорошем питании, больные арестованные быстро поправлялись, но жертвы, т.е. смертные случаи от цынги бывали.

Для несения охранной караульной службы по городу, ввиду увода войск на фронт, была создана при отделе вн. дел охранная дружина, через которую должны были пройти все граждане определенных лет, независимо от их служебного или общественного положения.

На мою долю выпадало проводить в правительстве решения, имеющие чисто политический, декларативный характер. Так перед отъездом Чайковского за границу, на последнем в его присутствии заседании правительства, я предложил принять выработанную мною схему политических тезисов, которыми должно будет руководствоваться правительство в дальнейшей своей деятельности и которые должны были лечь в основу декларации к населению. Тезисы эти были приняты—основные мысли их сводились к борьбе с большевиками за возрождение России, выборы и созыв Учредительного Собрания, гарантия свобод и отказ от преследования за одну только принадлежность к той или иной политической партии. Наряду со стремлением вовлечь общественные группы в процесс борьбы с большевиками путем содействия их частным организациям, путем даже некоторого давления на них в этом направлении в смысле принятия на себя инициативы в разработке форм этих организаций, я хотел подвести под правительство и официальный орган общественного мнения, который контролировал бы его и направлял бы его работу. Таким органом мне мыслилось совещание представителей земств и городов, как организаций, избранных через всеобщее голосование. Соответствующий проект мною был представлен в правительство и был им принят. Созыв земско-городского совещания был назначен на июль месяц.

В моей работе по руководству внутренними делами области мне пришлось больше всего сталкиваться с генералом Миллером и П. Ю. Зубовым.

Отношения мои с Миллером осложнились тем обстоятельством, что Архангельск все время находился, благодаря близости фронта, на военном положении, а Миллер был не только генерал-губернатором, но и главнокомандующим, а с апреля главнокомандующим по назначению Колчака. У Миллера в руках было разведывательное бюро (охрана) и военная цензура, что давало повод к частым столкновениям. Разведывательное бюро производило аресты, не ставя меня об этом в известность, стараясь скрыть их. Цензура никуда не годилась, причем Миллер любил играть роль благожелательного опекуна над печатью—ревниво устраняя из печати всякую критику не только военных властей, но даже и церкви. Зачастую социалистическая газета «Возрождение Севера» выходила вместо белых мест (таковые было цензурой запрещено оставлять) с целыми столбцами пословиц вместо статей или со стихотворениями, которые имели политический смысл при чтении их в обратном порядке. В военной цензуре сидели и представители союзников, включая и свободолюбивых американцев. И Зубов и Миллер, да и все правительство, кроме Федорова, было помещено на правовых началах—в противоположность большевистскому произволу мы должны были насаждать правовой строй, но этот правовой строй ими понимался крайне узко, в рамках тех правовых норм, которые действовали при Всероссийском Временном Правительстве в 1917 г., в рамках, ограждающих частных лиц от посягательства государства в их экономические взаимоотношения—дальше этого мысль их не шла. Всякая потребность в мерах революционных, новых, сильных, хотя быть может, и несколько одиозных для населения ими отвергались. Так например, в бытность мою в Онеге, ко мне обратились рабочие бездействовавших в Онеге лесопильных заводов, правления которых находились за границей и не открывали заводов, ожидая повышения цен на лес, с просьбой разрешить им взять во временную аренду эти заводы. Гор. дума и земство их поддержали. Нечего и говорить, что просьба эта была основательная, мало того—она была государственно необходима: вывозить лес нам было необходимо для получения валюты, а вывозить нераспиленный лес было с хозяйственной точки зрения абсурдно. Я, заручившись словесной поддержкой Зубова, на съезде кооперативов заявил, что заводы должны быть открыты и будут открыты; в ответ правая газета (к.-д.) «Русский Север» заявила, что лицам, не уважающим правовых норм не должно быть места у власти. Зубов не поддержал меня и заводы не были открыты.

Когда весной в Архангельск пришли пароходы с продовольствием для населения, потребовалась срочная разгрузка их,—грузчиков оказалось недостаточно, а за простой судов правительство должно было уплачивать громадные деньги. Тогда я внес проект о предоставлении начальнику губернии права привлечь население к принудительной выгрузке судов. Буржуазная печать подняла крик о том, что мы, докатились до венца большевистской политики.

Правовой фетиш в ущерб живому делу стоял главной помехой в правительственной работе, не было широты, революционного творчества.

Да и революция не уважалась. Когда наступила годовщина февральской революции в 1919 г., я поднял в правительстве вопрос о праздновании этого дня. Миллер решительно возражал против этого, говоря, что революция нам ничего кроме минусов, не дала; пришлось решить вопрос компромиссно—предоставить каждому ведомству по собственному усмотрению решить вопросы о праздновании годовщины революции. Когда ген. Миллер случайно узнал, что все учебники у нас печатаны по новой орфографии, он пришел в немалое смятение и просил М. М. Федорова подумать о возврате к старому правописанию. Эти примеры, достаточно характеризуют взгляды

Е. К. Миллера, но нужно отдать ему справедливость, он умел очень лояльно проводить их в жизнь, незматено, тихой сапой. С первого взгляда в нем трудно было разглядеть убежденного консерватора, монархиста. Его плюсом были честность и отвращение к издательствам и ненужным жестокостям.

Н. Ю. Зубов все больше и больше солидаризировался с ген. Миллером, отходя от позиций «Союза Возрождения», о чем ему последний напоминал. Добрый, безвольный русский обыватель, неожиданно оказался в роли политика, да еще руководителя политикой, растерялся, потом устал, инстинктивно придержился своих традиций, связанных с буржуазной средой; к ней его тянуло, для него, помимо, быть может, его сознания была противоестественной его связь с «Союзом Возрождения». Он был кадетом и вскоре покотился по этим рельсам.

Дело дошло до того, что на открытии Земского Собрания, он поручил не мне, а Миллеру приветствовать собрание от имени Правительства, хотя Земство входило всецело в мою компетенцию. Наконец, не посоветовавшись со мной, он внес на обсуждение правительства вопрос о признании Сибирского Правительства Всероссийским. Признание нами это состоялось, кажется, в апреле, в связи с Версальской конференцией, когда, после признания Сибирской власти за центральную Деникиным, встал вплотную вопрос о приглашении представителя России на конференцию при условии, если все окраинные правительства признают один центр. Я голосовал за это признание в интересах международного положения России, считая, (что и просил внести в протокол), вредным такое признание с точки зрения внутренней политики. На посланную по поводу признания нами Сибирского Правительства, (а следовательно и Колчака), Всероссийской властью и на предложение Чайковскому войти в состав Всероссийского Правительства. Чайковский ответил, что войти отказывается и больше того, по установлении реальной связи севера с Сибирью отказывается от звания председателя Северного Правительства. Здесь заговорил член Директории, низвергнутой Колчаком.

По должности начальника Архангельской губернии, мне приходилось входить в разрешение конкретных, текущих дел Области. Важной проблемой был у нас продовольственный вопрос — население получало паяк по 25 фун. белой муки, по цене кажется, 50 коп. фунт. Мука находилась в ведении англичан, и нам так и не удалось добиться, чтобы англичане передали нам в распоряжение запасы муки, необходимой для населения, хотя бы на полгода. Они отпускали нам по смете, держа нас в зависимости от себя, здесь, также как и в отпуске военного снаряжения. При перерасходе, где-либо муки — начинались длинные мытарства о дополнительном отпуске муки сверх нормы. На рынке продукты были, и сравнительно не дорого. По моим сведениям, население не голодало. Производительность на заводах падала сильно, стоимость производства достигла по тому времени, чудовищных цифр — стоимость стола на судоремонтном заводе достигла 1000 рублей, перед нами стоял вопрос о закрытии этого завода, как слишком убыточного для правительства. Минимум заработной платы соответствовал фактическому прожиточному минимуму.

Финансы наши были слабы. Еще осенью 1918 года, правительство вошло в соглашение с английским правительством о выпуске в Англии так называемых северных рублей, которые печатались в Англии в определенном количестве и курс которых, под гарантией английского банка, стабилизировался в 40 рублей за фунт стерлингов. Главным назначением северного рубля было служить валютой при расчете пограничным платежам. Фирмы, ведущие дело с Северной Россией, вносили в английский банк некую сумму фунтов стерлингов со специальным назначением для торговых сношений с севером; в соответствии с образовавшимся золотым фондом, выпускалось определенное количество северных рублей и кроме того, около

30% (кажется), сверх количества, обеспеченного золотым запасом — это то излишек и поступал в распоряжение Правительства северной области. Этот северный рубль оказался не только средством для проведения английской финансовой политики, но и средством для проведения их торговой политики — лишь только мы вздумали заполучить товары из Франции и Италии, чтобы избавиться от обязанности иметь все только английское, создать ему некоторую конкуренцию, в английском банке начал таять золотой запас, обеспечивающий северные рубли, и правительство стало получать уменьшенное количество в свое распоряжение северных рублей, так как уменьшилась абсолютная величина добавочного выпуска северных рублей, не обеспеченных золотом. Пришлось бить отбой и покупать все у англичан. Кроме того, обязательство английского банка о размене северных рублей по курсу 40 рублей за фунт стерлингов не было подписано на кредитных билетах финансовым представителем англичан. Приходилось жить и эмиссией «чайковск» и «морновок».

О рабочем вопросе я уже упоминал, когда писал об Архангельском совете профессиональных союзов. Отсутствие Отдела Труда давало себя чувствовать. Мне по должности Губернского Комиссара приходилось неоднократно выслушивать вполне справедливые сетования рабочих; отсутствие точных законов о труде отражалось на работах; предприниматели всячески обходили коллективный договор, не подчинялись ему, уклонялись от подчинения решению смешанных комиссий. Не дождавшись, когда к. - д. Мефодиев, которому правительством на ряду с торговлей и промышленностью, было поручено наблюдение за вопросами труда, примет какие-нибудь меры в этом направлении, я, по соглашению с Советом Проф. Союзов, взял на себя инициативу разработки проекта об отделе труда, в виде самостоятельного ведомства. Проект составил, внес в правительство, последнее отослало его в Финансово-Экономический Совет, в своем большинстве состоявший из представителей буржуазной группировки; там проект забраковали, и я его взял для новой переработки. В это время ко мне явился английский финансовый представитель и просил меня отказаться от мысли о создании при Правительстве Особого Отдела Труда, так как это для северного края слишком громоздко, достаточно будет улучшить инспектуру труда. Я выразил удивление, почему оспаривается право на существование именно отдела труда, тогда как в пределах той же области, в тех же условиях существуют другие ведомства. На это мой собеседник мне резонов не привел, но заявил, что англичане будут возражать против увеличения нашей сметы за счет отдела труда, и суммы на это не отпустят. Против этого «реального» довода мне возражать не пришлось и я заявил официально, что придется ограничиться учреждением на правильных началах инспектуры труда.

В области земледелия основным законом, был закон о расчистках, согласно которому, устанавливалась трудовая норма для пользования в 11 десятин, церковные земли подчинялись этой норме на общем основании, т.е. все излишки сверх трудовой монастырской обработки, как отошли так и должны были остаться в пользовании трудящихся. Отменить частную собственность на землю правительство не решалось, так как проделать это в местном, не во всероссийском масштабе представлялось не правильным. Постановление Учредительного Собрания о земле Н. В. Чайковский и я, считали не законом а декларацией; обязательной для нас поскольку в ней выразилась воля страны — в каком направлении должен быть разрешен земельный вопрос в России; с этой волей мы решили считаться, исходя из нее, не допуская частных сделок, проводя вместо них аренду. Вскоре мне пришлось столкнуться и практически с этим вопросом: в Шенкурске, городская дума назначила продажу плановых участков земли; земство запротестовало, ссылаясь на закон Учредительного Собрания. Согласно положению о городском самоуправлении я не мог воспрепятствовать этой продаже;

тогда я внес в правительство проект закона, распространяющий мое право, (как управляющего внутренними делами) на утверждение постановлений городских дум о маломерных плановых участках, причем я просил ввести в действие закон с предшествовавшего месяца. Правая часть правительства не подозревала цели закона и охотно пошла на ограничение права городского самоуправления. На следующий день по принятии закона я не утвердил постановления Шенкурской думы и предложил сдать участки в аренду. Эта практика применялась и в дальнейшем. Разрешение всех казусов и споров по земельным делам было предоставлено земствам, так как в этих спорах при обостренных взаимоотношениях старых и новых владельцев только и могло быть побобовное разрешение местных споров, на основе общих норм закона; земство с этим делом великолепно справилось; у меня было не более трех случаев жалоб на его действия. Второй инстанцией по этим делам был суд, и на этой почве у нас получилось большое осложнение. Суд у нас был в руках реакционеров. И управляющий отделом юстиции Городецкий и прокурор Дуброво были, мягко выражаясь, людьми консервативных взглядов. Первый же случай, который дошел до суда по земельному спору, суд разрешил, базируясь на гражданских неотмененных законах Российской Империи, т.е. постановив передать землю в неограниченном размере бывшему собственнику. Мне пришлось приказать милиции, не выполнять предписания о приведении в исполнение судебного решения, (оно так и не было приведено в исполнение). Когда в Сибири прошел закон правительства Колчака о земле, то наша юстиция явилась в роли подстрекателей кулаков на обратный захват земельных участков; гласные волостного земства, близ Архангельска, протестовавшие против притязаний кулаков были обвинены в бунте против Всероссийского правительства и подвергнуты Дуброво и Городецким аресту; Миллер был солидарен с Городецким. По моему протесту, к которому присоединился и Зубов, арестованные крестьяне были на другой день выпущены. Тогда Городецкий решил взять если не мытьем, так катаньем, и спровоцировал союзную контр-разведку на новый арест этих крестьян. Понадобилась уже целая неделя, чтобы добиться их вторичного освобождения, при чем Миллер опять тщательно тормозил их освобождение.

Теперь мне остается остановиться на работе самого черносотенного нашего учреждения — отдела юстиции и суда. Городецкий был и управляющим Отделом Юстиции и председателем окружного суда. Человек ограниченный, недалёковидный, без общественной основы, он тем не менее вошел активно в политическую жизнь области — был влиятельным членом национального союза, являлся инициатором национального ополчения из граждан, главным образом, буржуазного класса, для поддержания порядка в городе; он пользовался влиянием среди правых кругов Архангельска, совершенно не соответственно своему умственному багажу. По убеждению он был близок к союзу Михаила Архангела. Под одну с ним стать был и прокурор Архангельского суда Дуброво, которого выкопал эсер Гуковский в свою бытность управляющим Отделом Юстиции.

В ведении управляющего Отделом Юстиции находилась следственная комиссия, которая вела дела о гражданах, скомпрометированных в период существования на Севере Советской власти. Обвинения предъявлялись ко всем служащим в советских учреждениях за участие в свержении законной власти; дела тянулись страшно медленно; в тюрьмах за следственной комиссией сидели по восемь месяцев — сидели за ней не только большевики, но даже и плехановцы; членами этой комиссии были также представители союзной контр-разведки, в том числе и представитель Америки.

Много у нас сил уходило на борьбу и со следственной комиссией и с юстицией, много на совести Городецкого грехов, как следствие злобы, тупой мстительности; я говорю не о расстрелах, гражданский суд их у нас не знал, а о неосновательных арестах, сидении в тюрьме, где бывали и тиф

и цынга. К расстрелу у нас приговаривал как военный суд, так и военно-полевой суд. В числе расстрелянных встречались партийные работники большевики — так был военно-полевым судом расстрелян член Совета Проф. Союзов Теснанов, (в апреле или мае 1919 г.).

К лету положение правительства стало довольно двусмысленным — приближение Колчака подняло значение генерала Миллера, как главнокомандующего и делало как-будто излишним существование областного правительства. Само правительство подумывало о своем уходе и однажды, даже приняло решение самоупраздниться и передать власть генерал-губернатору, в виду того, что соединения с Сибирью ждали с недели на неделю.

Но вот Колчак покатился за Урал, На Севере англичане заявили о своем уходе. Правые все также продолжали настаивать на установлении единоличной диктатуры Миллера. Последний своими действиями как главнокомандующий, стал врывать в компетенцию правительства — установил на Мурмане угодный себе административный порядок. П. Ю. Зубов признал не нужным на ряду с главнокомандующим гражданскую власть в лице управляющего внутренними делами. Разразилось восстание наших полков на Онежском фронте — ни Миллер, ни генерал Айронсайд, ничего для ликвидации последствий бунта — занятия большевиками Онеги не предпринимали, сведения были, что Онега занята местными большевиками и тогда я с сотней солдат поехал для переговоров с ними об оставлении ими Онеги. Сделать этого не удалось, так как в Онеге уже был фронт российских большевиков, и я, высадившись около села Нижмо-озеро, прожил там несколько дней, задержав на неделю дальнейшее продвижение противника и, успокоив немного крестьян, (село было не большевистское) и утвердив расстрел одного дезертира, уехал в Архангельск.

В это время правительству нужно было срочно ответить на предложение союзного командования — будет ли эвакуироваться не только гражданское население, но и военная сила в случае ухода союзников; нужно ли готовить тоннаж для эвакуации. Я потребовал, чтобы для окончательного разрешения вопроса было созвано земско-городское совещание — правительство с этим согласилось. Затем я предложил ответить отказом на вопрос эвакуации военных сил. Миллер же и Зубов отстаивали эвакуацию их или к Колчаку или к Деникину и при том, раньше эвакуации гражданского населения, что и было принято. Тогда я, вернувшись домой, послал П. Ю. Зубову письмо, в котором заявил, что после вчерашнего голосования не считая возможным, чтобы он или Миллер оставались у власти и рекомендовал ему, памятуя первое предложение Чайковского оставить меня его заместителем, поручить образование нового правительства или мне, или председателю Гор. Зем. Управы Скомоорову. Ни П. Ю. Зубов, ни ген. Миллер, в отставку не вышли, пришлось уйти мне, проведя в последнем заседании инструкцию правительства о повестке дня для земско-городского совещания.

Характерно, что А. А. Иванов не поддержал меня, рассчитывая через земско-городское совещание и без меня вновь овладеть положением, но об этом в следующей части моих воспоминаний, в связи с Сибирскими делами. Чтобы не оказаться во власти реакционного офицерства, (а я должен был бы попасть под мобилизацию), я решил уехать из Северной области, и 14 августа 1919 г. выехал в Сибирь с северной морской экспедицией через Карское море.

После моего отъезда открылось земско-городское совещание, высказавшееся за продолжение борьбы с большевиками. Я думаю, что изложенное в этой главе, так все говорит само за себя, что резюмировать ее нет никакой необходимости.

X.

Отношения с союзниками несколько выяснилось уже из предыдущих глав. О предоставлении правительству самостоятельности в делах как воен-

ных, так отчасти и гражданских, союзники и не помышляли. Казалось чего было проще — раз они шли искренне на поддержку новой власти — отпустить этой власти все необходимые материальные ресурсы, пусть она распоряжается ими как считает наиболее целесообразным. Однако, это было бы просто и естественно, если бы у союзников отсутствовали соображения иного свойства и, повидимому, гораздо более для них существенные, ради которых они считали нужным держать и военное командование и правительство в фактической зависимости, зависимости ежедневной от себя — выдавая по гомеопатическим дозам военное снаряжение, продовольствие для населения, регулируя валютный и обще-сметный вопрос через северный рубль, захватив в свои руки весь наш морской тоннаж, и львиную долю речного.

Все это делалось видите-ли под флагом боязни, неуверенности, как бы русская власть не сыграла на руку большевикам и делалось не через дипломатические миссии — этот путь оставлялся для «неофициальных» давлений, а через английское главнокомандование сначала в лице генерала Пуля, а затем генерала Айронсайда, подчиненное непосредственно союзному верховному главнокомандованию в Париже. За этот фиговый листок удобно было укрываться политическим представителям союзников, указывая на неподведомственность себе вопросов «военного характера» и даже иногда разыгрывая благородных посредников при разрешении некоторых конфликтов. Что это за «военные» были дела, станет понятным, если вспомнить, что союзная контр-разведка также находилась в числе военных учреждений союзного военного штаба. Я уже говорил о деятельности генерала Пуля; этот господин вмешивался буквально во все дела управления, включительно до пожарных команд. Ко мне поступило его требование срочно объединить все пожарные команды Архангельска и передать их в ведение славяно-британского легиона, т.е. иными словами, передать на английскую службу. Разумеется, я (пожарные команды были в моем ведении, как Губ. комиссара) категорически отказался выполнить это требование, чем сразу же «подмочил» свою репутацию в английских военных кругах.

Существовал в Архангельске еще право-маршал, нечто в роде английского полицеймейстера, который согласно положению должен был ведать делами о дебошах союзных солдат, но фактически через него проходили все арестованные и контр-разведкой и контрольными пунктами на местах, у него же сосредоточивалось наблюдение за арестованными союзною властью, содержащимися в тюрьме, отсюда его неоднократное стремление распространить свое влияние и на тюремную администрацию. Я указывал, с каким трудом союзники давали нам обмундирование для солдат. У меня была рота военной милиции, которую я не хотел одевать в форму английского образца и просил выдать для нее сукна, чтобы сшить обмундирование по русскому образцу; я трижды получал в этом отказ и в конце концов, купил материал в союзе кооператоров. И поэтому я несказанно был удивлен, когда право-маршал предложил мне комплект обмундирования для тюремных чинов. Я поблагодарил, и отказался. Тогда право-маршал и сам и через штаб еще раз три настойчиво мне предлагал принять эти комплекты, доказывая, что тюремная администрация у меня, мол, плохо одета. Так я и не принял этого «подарка», но с удовольствием согласился на отпуск для всех арестованных дополнительного союзного пайка. Мне была не понятна эта настойчивость право-маршала, и только когда мне из Лондона привезли небольшую брошюрку некоего «частного» общества для усиления влияния англичан на севере, то я там прочел, что для реализации этого влияния членам общества рекомендуется прежде всего, взять в руки финансы области, а вторым пунктом стояло взятие в свои руки мест заключения... Тогда для меня настойчивость право-маршала стала понятной. Я только не знаю в каком взаимоотношении находились официальные союзнические круги, с этим обществом; вернее всего, это «частное» общество давало рекомендацию на

назначение должностных лиц англичан к нам на север, потому что, их действия вполне совпадали с целями общества.

Союзная контр-разведка держала под своим надзором всех граждан области, арестовывая их под видом «большевиков», военнопленных; составляя ежедневные реляции посольствам о наиболее видных общественных работниках.

Не довольствуясь тюрьмой в Архангельске, контр-разведка организовала концентрационный лагерь-тюрьму на острове Мудьюге, в Белом море, куда везд для россиян воспрещался; в этом лагере начальство — комендант и его помощник были французскими офицерами, причем первый служил перед этим по тюремному делу в какой то колонии, где приобрел навык в обработке туземцев. Эти же навыки он привез и на Мудьюг. Слухи о порядке там ширились в городе, волновали население. Туда отправляли всех тех, об аресте которых контр-разведка хотела скрыть от русских властей. Кормили там впроголодь, смертность была потрясающая.

Через несколько дней после вступления в должность Губернского комиссара, я обратился с официальным письмом к начальнику контр-разведки полковнику Торнхилл, с предложением не производить без ордеров русских властей обысков и арестов за исключением прифронтовой полосы, находившейся в ведении военных властей. После длительных переговоров, в которые был втянут и дипломатический корпус, я получил ответ, что разведка согласна на мое предложение при условии, чтобы я давал согласия на ее представления ко мне о необходимых арестах.

А через день, прислали ко мне «секретную» бумагу с просьбой произвести арест одного лично мне известного эсера, рабочего железнодорожника, за якобы его большевистскую речь на собрании профсоюза. Я немедленно предупредил этого рабочего, просил его дня три не показываться домой, дал ордер об его аресте, а через три дня вопрос с его арестом уладил. Вот к каким сложным комбинациям приходилось прибегать для того, чтобы удерживать контр-разведку хотя бы в каких-нибудь границах. Нечего и говорить, что она попрежнему и арестовывала и производила обыски самостоятельно, хотя и более осторожно.

Через пять месяцев, когда я уже был членом правительства я, наконец, получил разрешение проехать на остров Мудьюгу, куда и отправился, взяв с собою прокурора Дуброво и санитарного доктора Белого. Действительность соответствовала слухам, хотя меня и ждали, подчистили помещение «тюрьмы» — потому что нельзя же назвать тюрьмой досчатые сараи, окруженные колючей проволокой, — дали арестованным пищу лучше, но их изможденный вид, промадный процент в цынге (помещения для них в специальных бараках не хватало и в числе «здоровых», я нашел арестованных с цынгой, выпившейся уже в гангрену ног), в тифу, а через проволоку, шагах в пятидесяти от бараков я насчитал 78 могильных крестов, что для общего количества арестованных в 200 — 300 человек, дает хороший процент смертей. Карцеры холодные — в простых погребах. «Больница» была такова, что член Онежской Земской Управы Душин лежал в ней, в тифу, отморозил себе все пальцы на ногах... Общее впечатление было потрясающее — живые мертвецы, ждущие своей очереди. По возвращении в Архангельск я потребовал от Торнхилла немедленного закрытия и расформирования этого лагеря-тюрьмы, заявив, что в противном случае, я дам соответствующее интервью, для печати. Торнхилл согласился без протестов, и на следующий день я, дав интервью «лойального» характера, сообщил, что тюрьма на Мудьюге закрыта и передана в мое распоряжение. Через несколько дней я стал перевозить больных цынгой, в лечебницу на Кег-остров, а бараки на Мудьюге на летнее время, решил использовать под осужденных на каторжные работы, а зимой устроить их в большом теплом корпусе, где проживала администрация.

Нужно заметить, что значительная доля вмешательства союзников в наши дела происходила по просьбе наших правых кругов, так как в этом они видели средство борьбы с левыми течениями. Особенно это относится к арестам. Городецкий не смел иногда сам рискнуть на арест, сговаривался с контр-разведкой и она тихо схватывала указанных лиц и довольно крепко держала — так было с членами Онежской Земской Управы, так было с крестьянами по земельным делам. Требовались усиленные хлопоты, представления, угрозы, чтобы добиваться освобождения арестованных союзниками. И на это шла энергия, нервы, когда все, казалось, должны были дружно идти на борьбу за «возрождение» России.

Справедливость требует отметить, что генерал Айронсайд был несравненно приличнее генерала Пуль, с довольно открытым характером вояки, политикой интересовался мало, больше боролся со своими же подчиненными, открывал панамы (в интенданстве на сотни тысяч стрелингов), довольно решительно предавал их суду и налагал взыскания.

За него работала контр-разведка, соприкасаясь и с послами, составляя им меморандумы. Так например, обо мне граф де Люберсак почти ежедневно давал заметки Нулансу с изумительным по своей «достоверности» материалом (— что Игнатъев, мол, никогда и не был председателем в Петрограде районной думы, а служил, где то раньше писцом, что он тратит 50-й миллион на свое управление и живет не по средствам). Одним словом, не было той лжи и клеветы, которой постеснялась бы эта правая союзная клика в своей борьбе против всех социалистических и демократических элементов. А послы читали и принимали к сведению и «ласкали» господ Филоненко.

Дипломатический корпус опустился в Архангельске с дел международной политики до обывательских дел — все послы с захватывающим интересом следили, например, за выборами в Архангельскую Городскую Думу, требуя справок о ходе предвыборной кампании, явно полтерживая правый блок. М. И. Терещенко, две недели пробывший в Архангельске, только руками развел, побывав у послов (по их приглашению), что и не замедлил им высказать — в такие мелочи, дразни они влезали.

Единственное наше спасение было поддерживать существовавшую рознь между французами, англичанами и американцами. Военное дело было в руках англичан, но французы не прочь были им и здесь свинью подложить, и Нуланс охотно пошел навстречу моему, сделанному в личной беседе с ним предложению, выписать французских инструкторов, как более опытных в военном деле, вместо английских. Американцы открыто третировали и ругали англичан, между солдатами обоих наций были потасовки. Конкурировали они и в торговой области, хотя все привозили плохого качества товар, залежавшийся на родных рынках.

По случаю перемирия с Германией «Союз Возрождения» устроил торжественное заседание с участием всего дипломатического корпуса и правительства. Сначала произнесли речи я, как председатель на заседании, а затем, Н. В. Чайковский, как председатель правительства; оба мы требовали представительства России на будущей мирной конференции и указывали на права России, в связи с жертвами, понесенными ею в мировой войне. Отвечал нам Нуланс, как старейшина дипломатического корпуса и заявил в своей речи, что союзники даже и не представляют себе каким образом, могут быть забыты и услуги и жертвы России в мировой войне. Далее на этом заседании выступали представители городской думы, земства, союза, кооператоров, совета проф. союзов и биржевого комитета — у всех была одна нота — о правах России на мирной конференции. Многолюдное заседание также публичное, состоялось организованное «Союзом Возрождения» по случаю образования сербо-словенского государства. После моей приветственной речи и краткого слова заместителя председателя правительства, П. Ю. Зубова, выступил с большой, горячей, со слезами, речью сербский посол

Сполайкович — горевавший о великой России, указывавший, что славянство без нее, своей матери, — ничто. Сполайкович несомненно, был самым искренним из дипломатов, человеком, горячо преданным России, но правых устремлений; также и сербская часть на фронте была несомненно, лучшей боевой единицей среди иностранных войск, вообще довольно неохотно воевавших на нашем фронте.

Таковы были устремления союзников, их взаимоотношения между собой и с нами, но все это задрапировывалось цветами внешней учтивости, обедов, приемов.

Из вопросов международного характера, проходивших через Северное правительство, следует остановиться на трех — на предложении о Принцевых островах, на Карельском вопросе и на отношении с Финляндией.

Относительно встречи с большевиками на Принцевых островах мы ответили отказом.

В Карелии англичане устроили авантюру — английский полковник, командовавший там военными силами, с'организовал тайный с'езд корел и, играя на их национальном чувстве, провел резолюцию о независимости, в которой этот с'езд передавал вопрос, от имени карельского народа, на разрешение Лиги Наций. Нечего указывать на то, что здесь англичане выкраивали себе первый колониальный плацдарм на нашем севере. Мы протестовали и авантюру эту сорвали.

С Финляндией правительство решило вступить в переговоры в связи со слухами о создании при ее поддержке армии Юденича. Фигуры Юденича, его политического штаба в лице князя Волконского, Карташева и К^о были слишком определены. Я боялся последствий, если бы им удалось захватить Петроград и, поэтому, проектировал распространить влияние Северного правительства на Петроград, получив поддержку Финляндии, к тому же в это время Колчак стал уже отступать к Уралу. Правительство послало в Финляндию к генералу Маннергейму, его товарища, генерала Маруцевского; последний привез нам следующие условия Маннергейма: он соглашался двумя дивизиями занять Петроград и его район до линии реки Волхова и дать нам возможность сорганизовать нашу военную силу, после чего он уводил свои войска в Финляндию; за это мы должны были — признать независимость Финляндии (уже признанной союзниками), отдать ей порт Печеньгу и благоприятно разрешить вопрос об оставшемся в Финляндии русском государственном имуществе. Я находил помощь Финляндии приемлемей помощи союзников — во-первых, она была реальнее, во-вторых, я считал и считаю, что все равно Финляндия не сможет просуществовать не войдя в Российскую федерацию и, поэтому, уступки ей были бы менее страшны, чем закабаление союзникам; того же взгляда придерживался и ген. Маруцевский, но большинство правительства решило спросить разрешения Колчака; последний же ответил отказом, справедливо опасаясь превращения нашего, в случае занятия Петрограда, в конкурирующее с ним правительство.

Несомненно, многое мною упущено в настоящих моих кратких воспоминаниях, но я предпочитаю в данном случае, выпустить их в свет, хотя бы и не в полном виде — мне кажется, этого требует политическое положение; такого рода объективные факты сейчас нужны для правильной оценки действующих сил революции. Подробности же и забытое, но восстановленное затем в памяти, можно будет ввести в последующее издание.

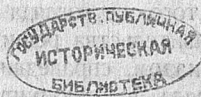
Я думаю, что выводы и уроки из этой эпохи напрашиваются сами собой: коалиция социалистов с буржуазией оказалась утопией; интервенция ради осуществления наших русских целей и задач романтической иллюзией; действовавшие группы в борьбе с большевиками — неспособными к активной, твердой работе. Особенно выпукло прошло крушение эсеров, господствовавшей до октябрьского переворота партии, взявшей на себя ведение борьбы против большевиков — призывы масс к этой борьбе в подго-

товительной стадии и умывание рук в нужные для действий моменты; сдача позиций без боя при первых столкновениях с буржуазией и иностранцами— в стадии практической борьбы; а в дальнейший период этой борьбы — двурушничество, беззастенчивое двурушничество — и воевать и не воевать, и под флагом «Союза Возрождения», и под флагом Комуча, и звать массы продолжать борьбу и самим отсиживаться, работая исподтишка, не идя на бой в открытых ролях на открытых позициях.

Уехал я с Севера в Сибирь с одной мыслью — единственная ставка наша, социалистов, в борьбе против большевиков—это крестьянство, надо к нему подойти, с ним пойти. Хотя у меня уже и в этот период возникали сомнения, — да полно, в одних ли тактических ошибках дело, в одной ли нечесности и неумении лидеров... Нет ли неправильных идеологических посылок, которые объективно и не могли ни к чему иному привести нашу борьбу с большевиками, как к нашему поражению...

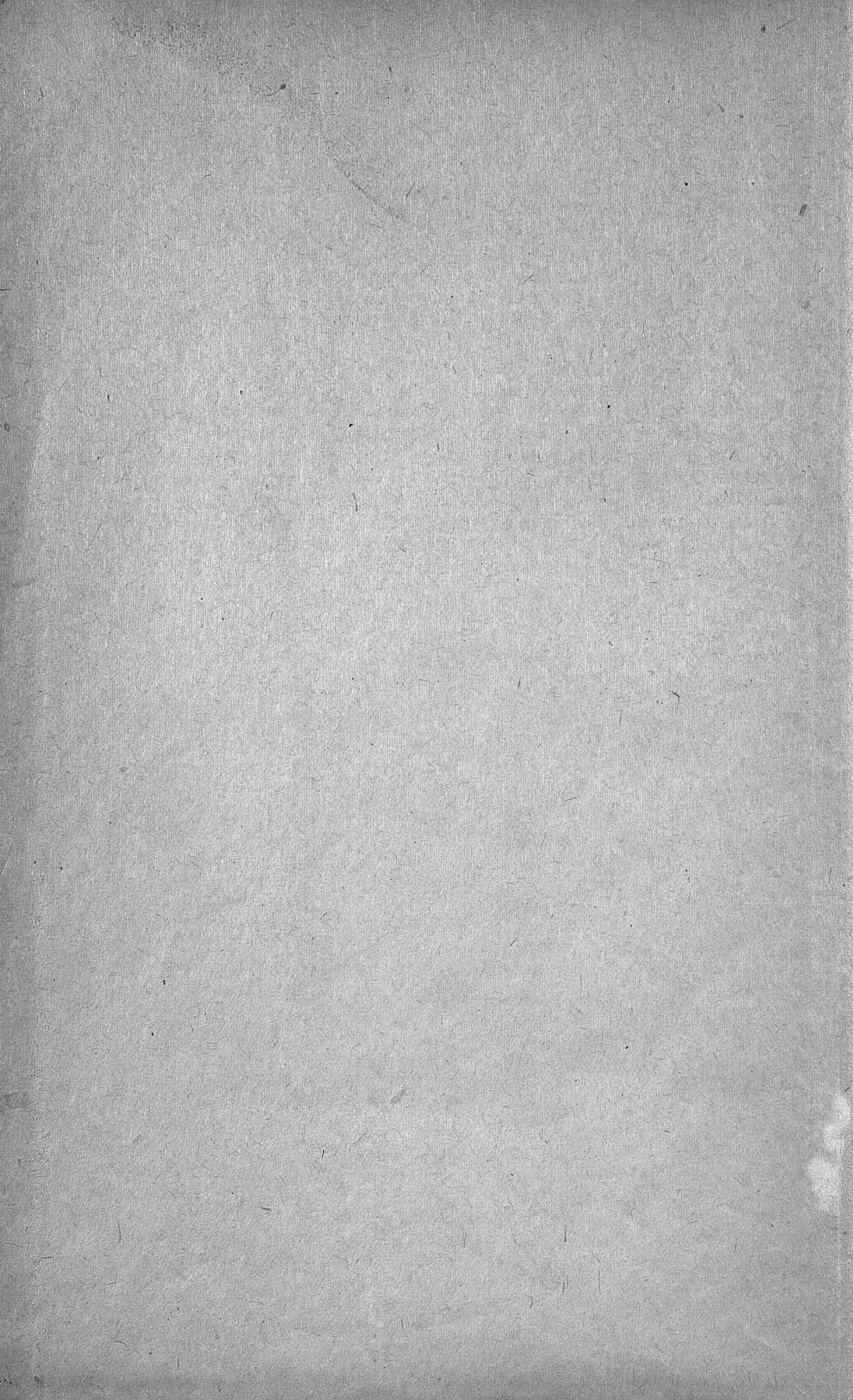
И если первая эпоха моей борьбы с большевиками дала мне уроки в смысле учета наших неправильных тактических шагов, методов борьбы с Советскою властью, уроки в смысле низведения с пьедестала старых революционных течений, уроки в смысле распознавания «богов», обживавших горшки революции, то вторая эпопея моего участия в гражданской войне, в борьбе с Советскою властью в Сибири, где я работал исключительно с социалистами и крестьянами, привела меня и к переоценке основных предположений. Такова логика жизни, логика событий и гражданской войны.

Москва, 1922 г.

sep 1953

1124

